Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 100. 15-го мая 1905 г. Годъ V

ПЕРВОМАЙСКІЕ УСПѢХИ И НЕУДАЧИ.

Сбылись ли ожиданія, которыя связались въ этомъ году съ представленіемъ о первомъ мая у большинства русскихъ гражданъ?

И да, и нѣтъ. Да — поскольку повсемѣстное празднованіе „маевки“ въ той или иной формѣ, вопреки всѣмъ военно-полицейскимъ мѣрамъ, показало передовой слой пролетаріата готовымъ выполнить свой долгъ по призыву Партіи. Да — поскольку сотни тысячъ пролетаріевъ воспользовались нашей майской агитаціей, чтобы возобновить прерванное въ февралѣ то великое стачечное движеніе, политическое и соціально-революціонное значеніе котораго трудно переоцѣнить. Нѣтъ — поскольку, въ общемъ и цѣломъ, планомѣрныя политическія дѣйствія Партіи и стихійное движеніе широкихъ пролетарскихъ массъ не слились съ самаго начала, въ исходныхъ своихъ пунктахъ; поскольку рабочая масса „готовилась“ къ первому мая сама по себѣ, организованные рабочіе — сами по себѣ; поскольку, поэтому, майскія манифестаціи въ той или иной формѣ, избранной организаціями, прошли почти вездѣ безъ участія той самой массы, которая черезъ день-другой *по своему*, въ стачкахъ, манифестировала свою готовность вести борьбу со своими врагами.

Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи — въ Петербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ. — на сборные пункты явились почти только организованные. Въ этомъ смыслѣ мы потерпѣли неудачу. Особенно ощутительна она въ Петербургѣ, гдѣ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ размахомъ партія вела предмайскую агитацію, гдѣ эта агитація, опираясь на предыдущую работу соціальдемократіи, наполнила собою всю общественную жизнь столицы за время, предшествовавшее пролетарскому празднику.

Петербургская неудача вызвала на первыхъ порахъ сильное разочарованіе въ средѣ товарищей, и слѣды этого разочарованія читатель найдетъ въ помѣщаемыхъ ниже петербургскихъ корреспонденціяхъ. Контрастъ между затраченной энергіей и полученными результатами былъ слишкомъ великъ, чтобы не вызвать извѣстнаго упадка духа. Но, въ концѣ концовъ, петербургскіе товарищи „переварили“ свою неудачу, изслѣдовали ея причины и извлекли изъ нея, какъ ниже увидитъ читатель, въ высшей степени полезный для всей партіи политическій урокъ.

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ урокѣ, мы должны коснуться одного интереснаго эпизода, который косвенно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на „мораль“ майской неудачи. Мы имѣемъ въ виду ту идейную борьбу, которую пришлось пережить нашей петербургской группѣ во время предмайской агитаціи.

Разсматривая послѣднюю, какъ прямое продолженіе такъ удачно проведенной ею „избирательной“ кампаніи по поводу коммиссіи Шидловскаго, группа, какъ извѣстно, намѣтила планъ майскаго выступленія въ рядѣ массовыхъ митинговъ съ вооруженнымъ отпоромъ, въ случаѣ нападенія царскихъ полчищъ. Цѣлая серія импровизированныхъ митинговъ въ теченіе предмайскаго періода должна была подготовить массу къ этому политическому акту.

Противъ плана группы выступили какъ Петербургскій комитетъ, такъ и бюро бывшаго Ц. К. партіи. Чтобы исчерпать списокъ недовольныхъ планомъ группы, надо упомянуть о петербургскомъ комитетѣ „партіи соц.-революціонеровъ“.

Въ своемъ письмѣ бюро Ц. К.[1]) развиваетъ слѣдующую мысль:

„Послѣ января и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣста общая, заранѣе подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая, да еще съ заранѣе обѣщаннымъ вооруженнымъ отпоромъ... Это, въ полномъ смыслѣ слова, опасно. При настоящихъ условіяхъ позвать на такую „демонстрацію“ совершенно тоже, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію, назначенному Группой на 1 мая. И эта „демонстрація“, дѣйствительно, неизбѣжно превратилась бы въ возстаніе, если бы Группѣ удалось поднять сотни или, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рабочихъ. Но такъ какъ Группа понимаетъ, что этого сдѣлать ей не удастся, то она назначаетъ вооруженную демонстрацію, т. е. заранѣе обреченное на кровавую неудачу частичное возстаніе тысячи въ три, пять или десять человѣкъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неизбѣжнаго истребленія нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, оторванныхъ отъ массы такой чисто *формальной* цѣлью, какъ вооруженная демонстрація, будетъ ненависть къ нашей Партіи и страшная психологическая реакція среди петербургскаго пролетаріата“.

Въ свою очередь, бюро Ц. К. предлагаетъ „звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ: что дѣлать дальше? и выслушать по этому вопросу голосъ Р. С. Д. Р. П.“. При этомъ „мы не только не ограничиваемъ себя заранѣе исключительно лишь разрозненными порайонными митингами, но, наоборотъ, разрабатываемъ стратегическій планъ объединенія этихъ митинговъ и дальнѣйшихъ дѣйствій объединенной массы. И этотъ планъ мы приведемъ въ исполненіе при наличности соотвѣтственнаго объема массы и надлежащаго настроенія ея. *Но зовемъ мы сейчасъ на митинги.* Преимущество такого плана дѣйствій очевидно: мы имѣемъ тутъ въ возможности, въ перспективѣ, и демонстрацію и даже возстаніе. Но мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаціонныхъ обязательствъ устроить „вооруженную демонстрацію“ (или, что тоже, частичное возстаніе) при всякихъ обстоятельствахъ“.

Если, такимъ образомъ, бюро Ц. К., повидимому, имѣло въ виду только доказать *непрактичность даннаго метода* устройства демонстраціи, оно незамѣтно сбилось на точку зрѣнія отрицанія возможности активныхъ уличныхъ выступленій (до возстанія) вообще.

Изъ отвѣта группы на это письмо мы приведемъ слѣдующее мѣсто:

„Всякій, кто знаетъ позицію „меньшинства“ и, въ частности, группы, понимаетъ, что ей и въ голову не могло придти „назначить“ на первое мая „частичное возстаніе“, назвавъ его вооруженной демонстраціей. Согласно Ц. К., такая демонстрація равносильна возстанію. Не можетъ быть возстанія — не должно быть и вооруженной демонстраціи... Группа... не раздѣляетъ мнѣнія, болѣе выдержанно выраженнаго въ майскомъ листкѣ „Бюро Ком. Б-ва“, что вооруженное выступленіе мыслимо лишь съ мыслью о возстаніи, что, разъ возстаніе невозможно, то и, вообще, выступленіе на улицы съ оружіемъ въ рукахъ не должно имѣть мѣста, ибо силы должны быть сосредоточены на подготовкѣ возстанія, — и классовый праздникъ, слѣдовательно, долженъ быть принесенъ въ жертву этой задачѣ. Группа думаетъ иначе. Въ развитіи буржуазной революціи мы стремимся къ накопленію пролетарскихъ элементовъ для борьбы за революцію соціалистическую — путемъ его классоваго сплоченія, путемъ укрѣпленія его классовой позиціи. Этой общей точкой зрѣнія опредѣляется и наше отношеніе къ майскому выступленію. Мы не можемъ отказаться отъ него, не можемъ „праздновать молча“ у себя дома или на тайныхъ сходкахъ въ лѣсу, какъ предлагали товарищи изъ Комитета „большинства“, потому что именно майское выступленіе — могучее средство для объединенія пролетаріата подъ знаменемъ нашей партіи, для выдѣленія его, какъ класса, изъ всей демократической массы... Лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію — съ вооруженнымъ отпоромъ въ виду русскихъ условій“.

„Но мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ, такъ сказать, видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому *уличному* празднованію перваго мая вообще, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности къ борьбѣ за нихъ. Группа отнюдь не противополагаетъ митинги демонстраціи, какъ дѣлаетъ Ц. К.: для нея это вопросъ факта, вопросъ техническій, правильное рѣшеніе котораго возможно единственно при самомъ выступленіи. Мы представляемъ себѣ, что могутъ произойти и митинги и демонстраціи, или только митинги, или только демонстраціи — смотря по мѣсту и условіямъ выступленія“.

Ошибочная мысль бюро Ц. К. болѣе послѣдовательно выражена въ листкѣ Петербургскаго Комитета Партіи. Въ немъ мы читаемъ: „Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя назначать заранѣе. Мы поднимемъ оружіе неожиданно для нашихъ враговъ, выбравъ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ и наибольшей растерянности правительства. Мирныя демонстраціи невозможны: онѣ разгоняются у насъ казаками и полиціей. Довольно уже полосовали наши спины нагайками и шашками, мы не дадимъ превратить нашъ великій рабочій праздникъ въ оргію царскихъ опричниковъ! *Вооруженная демонстрація допустима только, какъ начало вооруженнаго возстанія* (курсивъ нашъ), ибо правительство не отступитъ, конечно, передъ нашимъ оружіемъ, не исчерпавъ всѣхъ своихъ силъ. Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружными было бы безумно; выйти вооруженно — преждевременно“.

„Готовясь къ вооруженному возстанію“, говоритъ Одесскій Комитетъ, „мы должны помнить, что нельзя его начать въ любой часъ, а должно ожидать наиболѣе подходящаго момента. И, поэтому, мы не можемъ призывать къ демонстраціи перваго мая, такъ какъ теперь невооруженная демонстрація обратилась бы въ кровавое избіеніе, а вооруженная — въ народное возстаніе, а мы еще сейчасъ не настолько вооружены, чтобы надѣяться отстоять силой свои требованія“.

Выступивъ противъ открытаго празднованія перваго мая, Петербургскій Комитетъ „*партіи соц. революціонеровъ*“ заявилъ въ своей прокламаціи:

„Не до праздниковъ русскому трудящемуся люду... Это право на праздникъ надо вырвать у царской опричнины, наряду съ общечеловѣческими правами. Но какъ? Борьбой планомѣрной, упорной, гдѣ обдуманъ каждый шагъ, гдѣ подсчитана каждая сила... Не до праздниковъ тутъ. Они насъ ждутъ впереди, когда мы силой достанемъ себѣ свободу. А пока пусть будетъ обдуманъ каждый шагъ, пусть учтена будетъ каждая сила. Довольно жертвъ, которыя покорно падаютъ подъ ударами царскихъ опричниковъ. Довольно этихъ агнцевъ, добровольно идущихъ на закланіе... Довольно... Мы выйдемъ снова на улицу... но не для праздника, а для борьбы съ оружіемъ въ рукахъ... Вооружайтесь и ждите призыва своихъ революціонныхъ организацій... Пусть то не будетъ первое мая (!). Но то будетъ зато день послѣдней кровавой борьбы, день рѣшительной побѣды... и уже не далекъ этотъ день, когда раздастся кличъ: „Къ оружію, товарищи!“

Стоитъ сопоставить всѣ эти однородные мотивы съ *фактомъ* грандіозной вооруженной демонстраціи 18 апрѣля въ Варшавѣ, чтобы выразить удивленіе по поводу той энергіи, съ которой насъ хотятъ убѣдить, что „послѣ 9 января“ „невозможно“ звать на улицы... вплоть до послѣдняго боя, который будетъ назначенъ какимъ-нибудь всемогущимъ „центромъ“!

Какъ мы видѣли, Петербургская Группа не стала на точку зрѣнія, отвергающую массовыя революціонныя демонстраціи въ настоящій моментъ. Не позволяетъ ли постигшая ея собственныя начинанія неудача сдѣлать тотъ выводъ, что правы были именно противники *такихъ* выступленій?

Ставя такъ вопросъ, мы нисколько не склонны забывать различія между тактической позиціей Петербургскаго и Одесскаго комитетовъ (равно какъ Петербургскихъ соц.-рев.), съ одной стороны, и бюро бывшаго Ц. К. — съ другой. Но при всемъ различіи между ними, нетрудно убѣдиться, что въ основаніи обѣихъ критикъ плана нашей группы лежитъ одна и та же идея — мысль о невозможности собрать въ данный моментъ массу во имя такой „формальной“ цѣли, какъ революціонная демонстрація. И, въ свою очередь, эта мысль покоится на убѣжденіи, которое въ свое время высказалъ на страницахъ „Искры“ тов. Т., что послѣ 9 января наше движеніе „уперлось въ возстаніе“, что слѣдовательно, ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ, вплоть до возстанія, звать массу не приходится.

И такъ, не оправдала ли майская неудача въ Петербургѣ этихъ пророковъ?

На первый взглядъ можетъ показаться, что да. „Митингъ-демонстрація“ не привлекли къ себѣ неорганизованную пролетарскую массу. Не значитъ ли это, что мы должны принять точку зрѣнія Петерб. Комитета и предлагать массамъ „погодить“ съ активными политическими выступленіями вплоть до того момента, когда мы сами подготовимся къ вооруженному возстанію?

Маленькая историческая справка [illegible]. Читатель, [illegible], помнитъ, что [illegible] въ Петербургѣ [illegible] „[illegible]“, [illegible] той, которая произошла 1 мая. Только распредѣленіе ролей въ ней было обратное. Тогда въ ноябрѣ прошлаго года — комитетъ „впередовцевъ“ назначилъ демонстрацію, а „искровцы“ — будущая группа — возстали противъ нея, и — оказались правы: на демонстрацію рабочія массы не пришли. Петербургскіе „искровцы“ утверждали тогда, что демонстрація не можетъ удаться потому, что организація не подготовила для ея успѣха элементовъ въ рабочей массѣ. Но будущіе члены „группы“ не пытались доказывать, что рабочія массы Петербурга *уже* не пойдутъ на демонстрацію потому, что онѣ *еще не* готовы къ возстанію. Эта осторожность петербургскихъ „искровцевъ“ въ тактическихъ выводахъ избавила ихъ отъ очень смѣшного положенія, въ которомъ они очутились бы съ началомъ текущаго года, когда сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно „поднять“ на демонстрацію. Было бы очень хорошо, если бы, помня объ этомъ урокѣ, петербургскіе товарищи оказались столь же осторожны въ выводахъ и послѣ того, какъ партійная организація обожглась на молокѣ, не спѣшили бы дуть на воду.

И все таки фактъ на лицо: и до 9 января, и послѣ него соціалъ-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія. И она снова терпитъ неудачу, когда, приступая къ организаціи новаго массоваго выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ коммиссіи Шидловскаго. Что же это значитъ? Не вправѣ ли мы сдѣлать самые пессимистическіе выводы о предѣлахъ, поставленныхъ вліянію на пролетаріатъ нашей партіи, какъ инаціативной силы?

Попытка отмахнуться отъ этого вопроса утвержденіемъ, что движеніе „уперлось въ возстаніе“, должна быть отвергнута, какъ покушеніе съ завѣдомо-негодными средствами. Вѣдь, если бы это было такъ, то тогда передъ нами всталъ бы вопросъ: какія же у насъ надежды, что намъ удастся активно руководить возстаніемъ? Намъ, не имѣющимъ возможности готовить къ нему *себя* самихъ и народныя массы на практикѣ широкихъ революціонныхъ выступленій? Ибо дѣтски наивнымъ было бы думать, что революціонная организація можетъ „сразу“ повести массы на всенародное возстаніе, имѣя за спиной только опытъ тѣхъ былыхъ демонстрацій, которыя, по нынѣшнему масштабу революціоннаго времени, являются чѣмъ то вродѣ „потѣшныхъ игръ“, по сравненію съ истинно-революціонными дѣйствіями.

Чѣмъ болѣе серьезно мы относимся къ вѣроятности вооруженнаго возстанія, тѣмъ менѣе можемъ мы согласиться съ точкой зрѣнія петербургскихъ комитетчиковъ. Побѣдоносное народное возстаніе не выроститъ изъ пассивныхъ и безмолвныхъ массъ. Оно разовьется изъ постоянныхъ революціонныхъ, *организованныхъ* и планомѣрныхъ проявленій народной массы.

Наше *организаціонное* вліяніе на массы безконечно отстало отъ нашего *идейнаго* вліянія на нихъ. Вотъ фактъ, о которомъ снова кричатъ майскія неудачи. Массы учатся у насъ *думать*, онѣ не довѣряютъ нашимъ указаніямъ, какъ имъ *дѣйствовать*? И если мы хотимъ извлечь для себя полезный урокъ изъ происшедшихъ событій, мы должны прежде всего понять, какъ намъ вести работу, чтобы усилить свое организаціонное вліяніе на массы?

Послѣ 9 января мы говорили въ „Искрѣ“: прежде всего намъ надо *развязать* революцію. Многіе не поняли насъ и не могутъ понять до сихъ поръ. А, между тѣмъ, практика вновь и вновь подтверждаетъ намъ, что революціонныя силы современности находятся въ *связанномъ* состояніи. Кто не понималъ этого до сихъ поръ, пусть представитъ себѣ раскрытую майской неудачей картину петербургской дѣйствительности: сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ, десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ нашимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ, и — всего полторы—двѣ тысячи явившихся на призывъ организаціи демонстрировать свои чувства! Это ли не картина революціи, связанной, безсильной, выжидающей? Какимъ же непониманіемъ надо обладать, чтобы при видѣ этой картины твердить, что намъ надо *задерживать* „преждевременныя“ проявленія активности массъ, пока мы сфабрикуемъ тотъ „штабъ спѣвшихся руководителей“, который въ благопріятный моментъ позоветъ и поведетъ эти массы?

Надо *развязать* революцію! Надо добиваться въ Россіи того, что уже есть на Кавказѣ и Польшѣ, надо добиваться, чтобы и въ Россіи, какъ на этихъ „окраинахъ“, масса не только сочувствовала нашей революціонной борьбѣ, но и *участвовала* въ ней; чтобы она довѣряла нашей иниціативѣ и готова была бы активно поддержать ее. А поскольку это будетъ достигнуто, постольку призывы „держать“ революцію за шиворотъ, ибо она „преждевременна“, будутъ казаться всѣмъ нашимъ революціонерамъ столь же смѣшными, какъ они должны теперь казаться нашимъ польскимъ и кавказскимъ товарищамъ, хорошо знающимъ, что каждое революціонное выступленіе массы не истощаетъ, а умножаетъ боевой капиталъ возстанія. И постольку же станетъ невозможнымъ, чтобы призывы организаціи къ активнымъ дѣйствіямъ носили авантюристскій и дѣйствительно дезорганизаторскій характеръ.

Но, скажутъ намъ: Польша и Кавказъ — одно, Россія — другое. Въ Польшѣ и на Кавказѣ пролетарское движеніе окружено плотной атмосферой сочувствія различныхъ классовъ населенія, революціонизированнаго царизмомъ, и это обстоятельство облегчаетъ всякія рѣшительныя дѣйствія пролетаріата. Конечно. Но неужели же товарищи думаютъ, что мы можемъ придти къ возстанію, *не создавъ* вокругъ пролетарской борьбы въ самой Россіи атмосферы такого же сочувствія? Неужели они думаютъ, что кто говоритъ: „готовить возстаніе“, тотъ не говоритъ тѣмъ самымъ: воздѣйствіе на широкія народныя массы въ цѣляхъ привлеченія ихъ симпатій къ этому самому возстанію?

А это опять таки значитъ: надо развязать революцію, потенціально заключающуюся въ тѣхъ классовыхъ противорѣчіяхъ, которыя подняли къ общественно-политической жизни досель инертные слои населенія.

Развязывать революцію нельзя, готовя возстаніе въ революціонной лабораторіи кружковой подпольщины. Развязывать революцію можно только, привлекая къ политическому *дѣйствію* самыя широкія массы народа. Между тѣмъ, майскій опытъ еще разъ показалъ намъ, что мы плохо умѣемъ привлекать массы къ такому дѣйствію. Массы *слушаютъ* насъ очень сочувственно, онѣ *учатся* очень охотно, онѣ не *идутъ* за нами по нашему призыву. А это именно и значитъ, что, при сильномъ *идейномъ* вліяніи на пролетаріатъ, наша партія далеко еще не достигла нужнаго *организаціоннаго* вліянія на него. Между тѣмъ, вопросъ о „развязываніи“ революціоннаго процесса для соціальдемократіи есть въ тоже время вопросъ объ *организаціи* массъ для самостоятельнаго дѣйствія въ революціи.

---

[1]) Надо замѣтить, что въ этомъ письмѣ „бюро“ изложило планъ группы на основаніи „нѣсколькихъ частныхъ разговоровъ бюро съ членами группы“, благодаря чему получилось довольно извращенное представленіе объ общемъ смыслѣ этого плана. Группа протестовала противъ такого изложенія, и предложила „бюро“ увѣдомить организаціи о происшедшей ошибкѣ. „Бюро“, повидимому, не сдѣлало этого и отвѣтило группѣ, что „сообщеніе, разосланное по организаціямъ, сохраняетъ свое значеніе, независимо отъ плана Петербургской Группы, такъ какъ противопоставленіе изложенныхъ нами двухъ плановъ можетъ имѣть мѣсто въ другихъ организаціяхъ“. Такимъ объясненіемъ Группа признала себя (единогласно) неудовлетворенной. До извѣстной степени, такимъ образомъ, критика бюро Ц. К. опиралась на какое-то недоразумѣніе. Но все что въ ней надо отнести на счетъ [illegible]

Вотъ почему послѣ 9-го января мы, выступивъ противъ всякихъ попытокъ связать „развязавшуюся" революцію, одновременно выдвинули, какъ самую насущную задачу даннаго момента, вопросъ объ организаціи массъ въ политической и экономической борьбѣ. Вотъ почему мы считали нужнымъ со всей рѣшительностью выставить лозунгъ: „шире двери!" и призвать къ „захвату" пролетаріями своихъ „правъ" и „свободъ".

Подъ впечатлѣніемъ этой насущнѣйшей задачи момента работала и первая общерусская конференція и въ ея резолюціяхъ о возстаніи, о профессіональныхъ союзахъ, о несформленныхъ организаціяхъ и др. рѣзко сказалась эта точка зрѣнія, общая всей части партіи, которая осталась непредставленной на пресловутомъ „съѣздѣ". И въ тоже время своимъ проектомъ реорганизаціи партійнаго коллектива конференція намѣтила тѣ необходимыя измѣненія въ его структурѣ, безъ которыхъ наша партія врядъ ли сможетъ успѣшно разрѣшить новыя задачи организаціи массъ.

Петербургская Группа, задавшись вопросомъ о значеніи майской неудачи, пришла къ выводамъ, подтверждающимъ ту точку зрѣнія, на которую стала конференція. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ майскихъ дней одинъ изъ петербургскихъ товарищей писалъ намъ: „наша организація — въ этомъ спасеніе! Въ этомъ же номерѣ читатель прочтетъ резолюцію агитаторовъ городского района. Здѣсь же мы считаемъ полезнымъ познакомить товарищей съ коллективнымъ мнѣніемъ Петербургской Группы, какъ оно выражено въ письмѣ одного изъ ея активныхъ членовъ. Это письмо, кстати, даетъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи извѣстнаго слоя сознательныхъ рабочихъ къ нашимъ организаціямъ.

„Обычный типъ нашей политической организаціи: центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобію своему, только качествомъ пониже. Работая кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятковъ тысячъ по кружкамъ не размѣстишь!). Практикуя методомъ работы — твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлить въ нихъ всякаго улавливаемаго нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы противопоставляемъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ вливаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо!). Потребности въ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе-гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: „зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю". Дѣйствительно, идти за тѣмъ, чтобы „числиться въ организаціи" — не велика штука. Въ итогѣ — у насъ преимущественно самый молодой, самый невліятельный элементъ среди рабочихъ. „У васъ все молодятникъ", говорилъ рабочій-гапоновецъ, „вы его раскаляете, а онъ васъ, а масса на рабочую партію, которая ея должна быть, смотритъ, какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать". И — вправду — масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ такъ или иначе съ активностью массъ, съ длительными ея интересами, отношенія подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. „Придетъ интеллигентъ на заводъ", говорилъ вдумчивый рабочій соц.-дем. городского района, „прокричитъ всѣ свои „долой", и мы покричимъ, и уйдетъ. А намъ нужно не это; что вообще „долой" — извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни". И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: вели и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ *иниціативу соц.-дем. въ дѣлѣ профессіональной организаціи рабочихъ*. Явочнымъ порядкомъ основать рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; въ демократическихъ организаціяхъ дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной работѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессіональной борьбой, необходимость объединенія для которой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ, а сплоченіе рабочихъ-соціальдемократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессіональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ".

Можно съ увѣренностью сказать, что только работа въ направленіи, намѣчаемомъ въ этомъ письмѣ, позволитъ соціалъ-демократіи справиться съ той стихіей, которая до сихъ поръ работала за себя. И лишь поскольку ей удается это сдѣлать, будетъ въ полной мѣрѣ достигаться та спеціальная задача, которую ставитъ себѣ наша партія, — задача сплоченія русскихъ пролетаріевъ въ самостоятельную классовую силу, двигающую буржуазную революцію.

КЪ СОТОМУ НОМЕРУ.

Когда 4½ года тому назадъ изъ тайной нѣмецкой типографіи вышелъ первый № „Искры", изъ маленькой кучки соціалъ-демократовъ, принимавшихъ то или иное участіе въ его рожденіи на свѣтъ, врядъ ли одинъ видѣлъ мысленно передъ собой тотъ день, когда появится сотый номеръ органа русской революціонной соціалдемократіи...

„Изъ искры возгорится пламя"—гласилъ эпиграфъ на нашей газетѣ. Не самую газету, конечно, имѣли мы въ виду; а ту революціонную идею, которой должна была она служить. И къ сотому номеру эта искра, дѣйствительно, превратилась въ могучее пламя. Гдѣ тотъ оптимистъ, который въ концѣ 1900 года предвидѣлъ бы грандіозную картину революціонной дѣятельности нашихъ дней?

„Искрѣ" выпало на долю завидное счастье—въ теченіе четырехъ долгихъ лѣтъ изо дня въ день жить одной жизнью съ наиболѣе революціонной струей въ могучемъ общественномъ движеніи, какого еще не видѣла исторія со временъ французской революціи. Ей выпало на долю не менѣе завидный удѣлъ—дать въ Россіи первый опытъ прочной постановки литературной агитаціи на службѣ у соціалдемократическаго рабочаго движенія. Какъ трудны были первые шаги на этомъ пути, какъ маловѣроятнымъ представлялся успѣхъ этого предпріятія въ ту пору, какъ трудно казалось тогда перешагнуть черезъ такія внѣшнія препятствія, которыя теперь, шутя, преодолѣваетъ каждая изъ многочисленныхъ партійныхъ организацій! А тогда десятка наиболѣе энергичныхъ соціалъ-демократовъ—практиковъ съ отчаянной настойчивостью бились надъ тѣмъ, чтобы поставить первыя большія тайныя типографіи, регулярный обильный транспортъ, паспортныя „мастерскія", общерусскія бюро для сношеній...

Ихъ было немного—товарищей, которые 5 лѣтъ назадъ рѣшили затратить свои силы на постановку „общерусскаго" партійнаго предпріятія. Но эти немногіе сдѣлали-таки самую главную, самую трудную часть новой работы. По протореннымъ ими путямъ шли новые и новые десятки и сотни, и „общерусское" дѣло понемногу слилось, объединилось съ дѣломъ „мѣстнымъ".

То, что въ 1901 году дѣлала почти одна „Искра", теперь выполняютъ десятки организацій. Систематическая политическая агитація—когда-то удѣлъ „искровской" организаціи—теперь обслуживается десятками печатныхъ станковъ. Чтобы измѣрить ростъ нашей партіи за этотъ четырехлѣтній періодъ, было бы достаточно сопоставить число организацій, дѣйствовавшихъ тогда, съ числомъ ихъ въ данный моментъ. „Искрѣ" выпала наиболѣе благодарная роль въ этой громадной работѣ постройки соціальдемократической партіи. Наиболѣе благодарная, потому что наиболѣе замѣтная. Но эта, бросающаяся въ глаза, работа была-бы немыслима, если бы не была связана тысячью нитей съ незамѣтной для постороннихъ работой многихъ и многихъ революціонеровъ, безвѣстно трудившихся и подчасъ безвѣстно истекавшихъ кровью въ трудной борьбѣ.

Сколько ихъ промелькнуло за эти годы передъ нами, имѣвшими возможность, благодаря своему привилегированному „заграничному" положенію, видѣть воочію непрерывный и быстрый ростъ партіи. Единицами сначала считались наши „нелегальные", потомъ—десятками, теперь—сотнями. Съ ростомъ партійной работы повышался ея „пульсъ" и симптомомъ этого повышенія являлась, между прочимъ, все болѣе оживленная циркуляція работниковъ между русскими центрами движенія и заграничной „консервативной квартирой". Женева или Парижъ—Петербургъ, Одесса или какой нибудь другой русскій центръ—тюрьма — Якутка — снова Женева или Парижъ — и опять Россія... Сколько товарищей въ теченіе этого полнаго бурь періода продѣлали эти этапы! Еслибъ не было этой циркуляціи, не могла бы „Искра" работать въ тонъ русской работѣ.

Сотни живыхъ нитей связывали „Искру" съ русской работой и позволяли ей, такъ или иначе, идти въ ногу съ партіей. Но суровая русская дѣйствительность часто разрывала эти связи, иногда почти по всей линіи. Новыя и новыя затраты упорнаго труда требовались, чтобы возстановить уже было налаженный организаціонный аппаратъ. „Проваливались" транспорта, пути, типографіи. Обрывались почти всякія письменныя сношенія съ Россіей, цѣлыя „поколѣнія" искровцевъ разомъ вырывались изъ обращенія. Сколько разъ трудно было выпустить очередный №, за недостаткомъ корреспонденцій изъ Россіи! Сколько разъ, съ разгромомъ транспорта, наступало переполненіе нашего склада и невольно ослабѣвала наша работа подъ гнетомъ сознанія, что въ данный моментъ трудишься „въ пустую"! Сколько разъ надъ „Искрой" подымалась грозная туча финансоваго „банкротства": „нервъ войны" иссякалъ и, казалось, придется вотъ вотъ остановить машину. Сколько разъ все замѣтное въ партіи, все наиболѣе энергичное, исчезало за воротами тюремъ, и, перечитывая мысленно ряды оставшихся, тщетно задавали себѣ вопросъ: кто снова наладитъ дѣло?

Но — живъ курилка! — невѣдомыми часто путями жизненная сила нашего партійнаго организма залечивала всѣ понесенныя имъ раны. Оживали замершія было организаціи, новое поколѣніе иниціаторовъ окуналось съ головой въ эту всепоглощающую работу партійнаго строительства—чтобы, въ свою очередь, сойти со сцены, когда пробьетъ часъ. И ослабѣвшая на время машина снова стучала всѣми своими колесами.

Политическая работа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обладаетъ печальнымъ свойствомъ создавать литературному органу не мало враговъ и противниковъ. И „Искра", болѣе чѣмъ какой либо другой органъ, нажила себѣ смертельныхъ враговъ и недоброжелательныхъ противниковъ. Но за то ей посчастливилось имѣть много друзей и сотрудниковъ, никогда не дававшихъ ей повода чувствовать себя въ состояніи идейнаго одиночества. Для литераторовъ, ведущихъ политическую борьбу, это великое счастье. И, выпуская сотый номеръ нашей газеты мы горячо привѣтствуемъ тѣхъ многихъ и многихъ, кого прошлое или настоящее связало съ нашимъ литературнымъ дѣломъ; чьи силы внесли свою долю въ этотъ нечалый коллективный трудъ. Пусть наше привѣтствіе дойдетъ до нихъ, гдѣ бы они теперь не находились: за тюремныя стѣны и въ Якутскіе улусы, въ подполье демократической работы и въ рудники Акатуя!

Л. М.

ПРОГРАММА ИЛИ ПРИЗРАКЪ?

Россійская демократія собирается въ многотрудный путь: она чувствуетъ необходимость пойти въ народъ, познакомить его со своими соціально-политическими требованіями и попытаться привлечь его на свою сторону, т. е. стать дѣйствительно народной партіей. Но тутъ на первыхъ же шагахъ возникаетъ почти непреодолимая трудность: гдѣ та программа, которая въ состояніи обезпечить всю сознательную часть демократически настроенныхъ элементовъ и въ тоже время привлечь къ нимъ симпатіи широкихъ слоевъ народа? Пока дѣло ограничивалось тостами на банкетахъ, революціями на собраніяхъ, съѣздахъ и т. под., можно было ограничиваться широковѣщательными формулами. Но въ политической программѣ требуется прежде всего опредѣленность, въ особенности въ моменты острой революціонной борьбы, когда зародившіеся въ широкихъ массахъ потребности очень быстро проникаютъ въ ихъ сознаніе и формулируются ими въ видѣ ясныхъ, опредѣленныхъ требованій.

Въ этой атмосферѣ буржуазной демократіи не по себѣ: она бьется и мечется и никакъ не можетъ остановиться на какой-нибудь твердой почвѣ, чтобы сказать: „здѣсь я стою, здѣсь мое царство!" Вся легальная демократическая пресса послѣдняго времени только и твердитъ о томъ, что „намъ" нужна политическая программа; весь послѣдній (двойной) ном. „Освобожденія" почти цѣликомъ посвященъ этому вопросу, а „мы"— все ни съ мѣста. Впрочемъ, нѣтъ. Г. Струве увѣренъ или дѣлаетъ видъ, что увѣренъ, что задача рѣшена. „Пусть наши враги поймутъ, — восклицаетъ онъ, — что демократическая программа есть не вымышленная въ кабинетѣ, родившаяся въ атмосферѣ кружковщины формула, а подслушанныя у жизни. отъ нея заимствующія свою неотразимую силу требованія обновленія всего народнаго бытія. („Освобожденіе", №69-70, ст. „Земство и демократія"). И такъ, чего лучше? Программа есть, да и не такая, какая тамъ у разныхъ представителей „стоящихъ влѣво отъ демократической партіи", высиживающихъ свои формулы въ кабинетахъ или въ атмосферѣ кружковщины. Нѣтъ, у демократовъ программа самая что ни на есть настоящая, „подслушанная у жизни" и т. д. и т. д. Но читаемъ дальше: „Но будемъ и мы сами также относиться къ нашей программѣ, оцѣнивая ее какъ живой голосъ жизни, а не какъ надуманную „систему", о которой препираются начетчики" (ibid). Это что же такое? Оказывается, что „подслушанная у жизни" программа раздѣляется не всѣми демократами и о ней кто то съ кѣмъ-то препирается? Да, оказывается. Оказывается, что имѣется не одна, и нѣсколько „демократическихъ" программъ, изъ которыхъ господину Струве (да и не ему одному) очень хотѣлось состряпать одну по извѣстному методу исключенія всѣхъ „крайнихъ" требованій, которыя могли бы составить душу живую демократической программы.

Мы дальше увидимъ, для чего такая операція понадобилась, а пока посмотримъ, что же остается отъ демократической программы при такой операціи. Изъ напечатанной въ томъ же номерѣ „Освобожденія" программы Союза Освобожденія, отнюдь не страдающей излишней опредѣленностью, особенно въ ея соціально-политической части, г. Струве выбрасываетъ требованія избирательнаго права для женщинъ и уничтоженія косвенныхъ налоговъ. Это необходимо „съ точки зрѣнія реальной политики". А затѣмъ, чтобы не вносить раздѣленія въ „конституціонно-демократическую" среду, слѣдуетъ согласиться и на двухпалатную систему, такъ какъ это есть „вопросъ о средствахъ или способахъ осуществленія демократическаго принципа, а не о самомъ принципѣ". Послѣ подобной очистки, основы демократической партіи являются передъ нами въ слѣдующемъ видѣ: 1) наиболѣе полное утвержденіе правъ человѣка и гражданина (съ сохраненіемъ косвенныхъ налоговъ); 2) организація народнаго представительства на основѣ всеобщаго (съ исключеніемъ женщинъ), прямого и равнаго (съ двумя палатами) избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ; 3) разрѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ надѣленія землей крестьянъ (и путемъ выкупа этой земли на счетъ крестьянъ же) и урегулированія арендного права въ интересахъ землевладѣльцевъ; 4) широкое развитіе законодательной охраны рабочихъ (съ 8 часовымъ рабочимъ днемъ въ видѣ идеала) и государственнаго страхованія ихъ.

Урѣзанная такимъ образомъ программа все же остается „демократической", ибо неизвѣстно, что могло бы лишить ее этого титула. Другое дѣло, если спросить, для чего демократамъ требуется теперь же совершить надъ своей программой подобную операцію? На этотъ вопросъ мы находимъ опять таки въ томъ же номерѣ „Освобожденія" довольно обстоятельный отвѣтъ. Оказывается, что на это имѣются трояваго рода причины. Во-первыхъ, наши демократы *боятся потерять связь съ дѣйствительностью*: брошенные въ водоворотъ революціонной, постоянно движущейся и постоянно мѣняющейся стихіи, они все оглядываются назадъ на свое болото и все увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что только тамъ, въ этомъ болотѣ, концентрируется дѣйствительная реальная жизнь, а что сверхъ того, то отъ лукаваго. „Вѣдь для образованія живой и дѣйственной демократической партіи, — пишетъ г. П. Струве,—задающейся цѣлями *реальной* (курсивъ нашъ) политики, важны основы, а не детали программы". „Если представители крайнихъ партій *реальные* (курсивъ нашъ) политическіе результаты цѣнятъ дороже теоретическаго самоуслажденія, они должны стремиться къ практическому соглашенію и сотрудничеству съ демократической партіей на основѣ ея программы". [1])

Во-вторыхъ, демократы *боятся потерять часть своей небольшой арміи*: такъ называемый третій элементъ все болѣе и болѣе оказывается сторонникомъ радикальныхъ рѣшеній, тогда какъ почтенные отцы-земцы больше склонны къ „реальной" политикѣ. И вотъ приходится усовѣщевать и тѣхъ и другихъ. „Было бы грубой политической ошибкой изъ-за такихъ разногласій, какъ разногласіе по вопросу о двухъ палатахъ, допустить раздѣленіе конституціонно-демократическихъ элементовъ на двѣ партійныя группы". [2]) „Какъ нормальная земская работа ни на одну минуту невозможна внѣ сотрудничества современныхъ „лоялевъ" земскихъ учрежденій и „наемнаго", такъ называемаго „третьяго" элемента, также точно борьба за политическое освобожденіе потерпѣла бы огромный ущербъ, если бы утратилась связь и прекратилось политическое сотрудничество между земской конституціонно-демократической группой и широкой массой русской демократической интеллигенціи. [1]) Если бы исторія дѣлалась проповѣдниками, то ужъ во всякомъ случаѣ не такими, которые прибѣгаютъ къ столь нелѣпымъ сравненіямъ, какъ сопоставленіе союзовъ въ политической борьбѣ съ сотрудничествомъ (да еще лоялевъ съ наемниками) въ земскомъ лоялизмѣ!

Наконецъ, въ-третьихъ, они *боятся потерять самихъ себя*. Объ этомъ вопіетъ на цѣлыхъ двухъ столбцахъ авторъ „письма въ редакцію" г. У—въ. „Мы боимся, — пишетъ онъ — всегда быть недостаточно лѣвыми, мы боимся, что насъ упрекнутъ въ буржуазности, въ оппортунизмѣ. Мы готовы принять всякое предложеніе, идущее слѣва, ведущее еще дальше въ эту сторону... Я убѣжденъ, что наши принципы настолько несомнѣнны, настолько въ нихъ стоитъ разумъ исторіи, что для насъ настанетъ послѣзавтрашній день, когда намъ придется строить на развалинахъ. Я даже льщу себя надеждой, что въ эту минуту на долю конституціонно-демократической партіи выпадетъ великая миссія, которую мы выполнимъ съ честью. Но какъ дожить до этого послѣзавтрашняго дня, не потерявъ себя, т. е. не растворившись въ крайнихъ партіяхъ?

Всякій пойметъ, что при столькихъ страхахъ положеніе получается не изъ пріятныхъ. Врагъ претъ и изнутри, и снаружи, и справа и слѣва. Какъ его унять? Никакъ его не уймешь. Дай чорту палецъ, онъ потянетъ всю руку. Урѣзанная г. Струве демократическая программа можетъ подвергнуться (и подвергается) новѣйшей операціи; отъ нея останется одно только „пріятное" воспоминаніе, но г. Струве все будетъ называть ее программой „нашей" демократіи и доказывать, что она „подслушана" у самой жизни.

Такъ же мало въ основу демократической программы могутъ лечь и постановленія апрѣльскаго земскаго съѣзда. Правда, огромное большинство земцевъ высказалось за созывъ народныхъ представителей, избранныхъ на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ (опять-таки съ двумя палатами). Но то, что годъ тому назадъ могло бы считаться крупнымъ политическимъ фактомъ (не съ точки зрѣнія „реальной" политики, конечно, которая тогда, въ лицѣ хотя бы г. Струве, еще не могла рѣшить вопроса о реальности или нереальности этого выдвинутаго соц.-демократами требованія, то теперь, послѣ 9 января, послѣ всеобщей россійской забастовки, послѣ начавшагося крестьянскаго возстанія, было уже недостаточно. Именно указанныя событія выдвинули на первый планъ вопросы соціальной политики — вопросы рабочій и аграрный прежде всего, — на которые демократія должна дать совершенно недвусмысленный отвѣтъ. До сихъ поръ она этого не сдѣлала, ибо одно ея крыло (земское) тутъ такъ же реакціонно, какъ другое крыло (третій элементъ) хотѣло бы быть революціонно. Г. Струве остается и здѣсь замалчивать противорѣчія и пѣть гимнъ земству и демократіи, кот. де „сошлись въ основахъ полит. реформаторства". „Передъ этимъ согласіемъ въ основахъ, — восклицаетъ далѣе г. Струве, — исчезаютъ различія между частностями земской конституціонно-демократической платформы и тѣми программными заявленіями другихъ конституціонно-демократическихъ группъ (въ томъ числѣ „Союза Освобожденія"), которыя пускались въ обращеніе за послѣднее время. И это особенное единство программы должно быть одинаково признаваемо и нашей правой, и нашей лѣвой стороной, какъ прочное завоеваніе, какъ краеугольный камень созидаемаго совмѣстными усиліями всенароднаго освободительнаго движенія". [1]) Итакъ въ конечномъ счетѣ „основное единство программы" — а мы помнимъ изъ предыдущаго, что существенны, важны только эти основы, а не детали — сводится къ признанію всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права (съ указанными уже ограниченіями) и къ разноголосицѣ въ другихъ пунктахъ. Въ бѣдѣ можно было бы помириться и на этомъ, если бы авторы программы Союза Освобожденія не предупреждали насъ любезно, что „принятыя Союзомъ рѣшенія диктовались условіями того политическаго момента, въ который происходило ея обсужденіе", и что „рѣшенія эти могутъ считаться обязательными лишь постольку, поскольку политическія условія останутся неизмѣнными".

Что же въ такомъ случаѣ останется отъ всей демократической программы? Ничего кромѣ увѣренія, что „земская оппозиція, не порывая связи съ жизнью, возвышается въ то же время надъ своей классовой позиціей". Можетъ быть, той демократической интеллигенціи, которая понесетъ программу въ народъ, будетъ пріятно думать, что она занимаетъ какую-то сверхъ-классовую позицію, но вѣдь прежде всего ей надо имѣть съ чѣмъ идти къ народу, ей надо имѣть ту самую программу, которая при всякой попыткѣ занять надъ-классовую позицію хорѣетъ, какъ мы видѣли, всякую цѣнность, превращается просто въ призракъ.

СЪѢЗДЪ АДВОКАТОВЪ.

Состоялся съѣздъ адвокатовъ. Тотъ съѣздъ, отъ котораго, по заявленію многихъ участниковъ его, русское общество ждало такъ много. Что же далъ онъ волнующемуся обществу? Что новаго внесъ онъ? Какія новыя средства борьбы предоставилъ онъ въ распоряженіе революціонной арміи? Вотъ вопросы, которые естественно возникаютъ у каждаго [illegible] „всероссійскій съѣздъ представителей [illegible] адвокатуры".

1) См. „Къ программѣ Союза Освобожденія". 2) Тамъ же.
3) См. ст. „Земство и демократія". 4) Земство и демократія".

Съѣздъ имѣлъ въ Петербургѣ 5 засѣданій отъ 28 по 30 марта включительно. Явилось 188 делегатовъ изъ 64 городовъ Европейской Россіи и Кавказа по уполномочію 2158 избирателей.

Уже самая картина выборовъ и дебаты, предшествовавшіе имъ, не предвѣщали ничего хорошаго, обнаруживая политическую невоспитанность и неподготовленность сословія адвокатовъ къ сознательнымъ политическимъ *дѣйствіямъ*. Полная неоріентированность въ самыхъ основныхъ вопросахъ государственнаго права, самыя смутныя представленія о томъ, что такъ часто раздавалось на всѣхъ совѣщаніяхъ—о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Намъ, напримѣръ, пришлось слышать изъ устъ лидера націоналистически либеральной группы утвержденіе, что требованіе равнаго избирательнаго права излишне, такъ какъ это послѣднее поглощается требованіемъ всеобщаго. Это говорилъ „вождь", чего-же ожидать отъ „ведомыхъ"!.. А выборы!.. Обывательщина сказалась здѣсь во всей своей захолустности. Рѣзкій абсентеизмъ — явленіе общее для всѣхъ судебныхъ округовъ. Чуть-ли не каждый адвокатъ, считая себя самымъ подходящимъ делегатомъ, подавалъ голосъ раньше всего за себя, а какъ за самаго достойнаго. Въ силу этого, списки кандидатовъ пестрѣли множествомъ именъ, включая чуть-ли не оффиціальные списки членовъ сословія. Это повлекло за собою страшную дробность голосовъ, и многіе делегаты не собрали и двухъ десятковъ голосовъ изъ общаго числа избирателей въ 100 и болѣе человѣкъ, а въ среднемъ каждый делегатъ представлялъ собою немногимъ болѣе 11 избирателей.

Картина самаго съѣзда не дала болѣе отрадныхъ впечатлѣній. Моментъ первый. Огромный залъ Вольно-экономическаго общества. Торжественная обстановка, благообразныя физіономіи делегатовъ, черные сюртуки, изрѣдка фраки—все, какъ полагается. Рядъ привѣтствій, изъ которыхъ выдѣляется по своей глубокой искренности и задушевности слово присяжнаго повѣреннаго Родичева по адресу делегатовъ-поляковъ. Ихъ 12 человѣкъ. Въ отвѣтъ на это, делегатъ полякъ указалъ на необходимость борьбы адвокатовъ „за то, что объединяетъ всѣхъ насъ—за свободу". Другой польскій делегатъ всходитъ на трибуну и въ пространной рѣчи излагаетъ весь длинный рядъ историческихъ несчастій, обрушившихся на голову польскаго народа, и въ итогѣ приходитъ къ заключенію: „Въ то время,— говоритъ онъ [1])—какъ русское правительство угнетаетъ Васъ только какъ людей, насъ, поляковъ оно угнетаетъ, какъ людей и унижаетъ, какъ національность;" и далѣе: „нѣтъ, мы, какъ представители польскаго народа,—продолжаетъ ораторъ, —во всероссійскій союзъ адвокатовъ войти не можемъ. Мы образуемъ свой собственный польскій союзъ. Но дальнѣйшее пребываніе наше на этомъ съѣздѣ мы считаемъ возможнымъ лишь тогда, когда съѣздъ гарантируетъ намъ независимость Польши, свободу національнаго ея самоопредѣленія".

Впечатлѣніе отъ этой резолюціи поляковъ получается у аудиторіи нѣсколько неясное. Юристъ воспитанъ въ правилахъ do ut des, поляки выдвинули новое: nihil do ut des — и это нѣсколько смутило собраніе правовѣдовъ. Вполнѣ правильно указалъ присяжный повѣренный Кальмановичъ, что онъ не понимаетъ, почему поляки, предъявляя требованія гарантій, не считаютъ, однако, возможнымъ бороться за одно съ русской адвокатурой противъ общаго врага. Слово г. Кальмановича, вполнѣ правильное по существу, прошло, однако, незамѣченнымъ, благодаря излишней мягкости тона и недостаточной настойчивости оратора. Предсѣдатель собранія, г. Родичевъ никому больше слова не даетъ, желая, повидимому, избѣгнуть скандала въ благородномъ семействѣ всероссійской адвокатуры, и объявляетъ о единогласномъ принятіи резолюціи поляковъ. Итакъ, *эта нелѣпая, резолюція націоналистовъ оказывается достояніемъ всероссійскаго союза адвокатовъ* Въ то самое время, когда польскій пролетаріатъ, въ отвѣтъ на событія 9 января, выразилъ свою солидарность русскому пролетаріату обращеніемъ всей Польши въ театръ революціонной борьбы, борьбы, обошедшейся товарищамъ полякамъ въ цѣлые потоки пролетарской крови—въ это время представители польской буржуазной оппозиціи въ лицѣ польскихъ адвокатовъ, объявляютъ о своей полной отчужденности отъ русскихъ оппозиціонныхъ слоевъ,— и эта резолюція единогласно принимается представителями русской буржуазной интеллигенціи. Таковъ первый шагъ съѣзда. Еще одинъ поучительный моментъ. Съ самаго начала засѣданія въ вестибюлѣ появилась полиція. Рѣшено игнорировать полицію. „Собираясь сюда, мы не справлялись съ желаніями властей принять насъ, и теперь просить „какого-то министра юстиціи о заступничествѣ—я считаю унизительнымъ для съѣзда"—патетически восклицаетъ кавказскій делегатъ Г. Съѣздъ постановляетъ не расходиться даже при введеніи наряда. 4 час. Входитъ полиціймейстеръ; сквозь открытыя двери въ сосѣдней комнатѣ пестрѣютъ полицейскіе мундиры. Боевая рѣшимость адвокатовъ вмигъ пропадаетъ. Они въ порядкѣ отступаютъ, ограничившись бумажнымъ протестомъ противъ незаконныхъ-де дѣйствій полиціи, въ виду высочайшаго разрѣшенія обсуждать государственныя нужды.

* * *

Вечернее собраніе 28-го. Ганнибалова клятва на вѣрность революціи! „Мы должны рѣшить, нѣтъ, мало того, мы должны клятвенно обѣщать итти отнынѣ революціонными путемъ, ибо только онъ одинъ ведетъ къ свободѣ"—такъ заключилъ кіевскій делегатъ А свое слово, удостоенное одобренія значительной части съѣзда. Слѣдующій ораторъ формулируетъ настроеніе съѣзда приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „Итакъ, съѣздъ, повидимому, пришелъ къ заключенію о необходимости революціонныхъ средствъ борьбы par excellence". Громъ аплодисментовъ и возгласы: „Не par exellence, а исключительно". Ни одного возраженія. Картина умилительная: буржуазная интеллигенція, послѣ эпохи петицій и резолюцій, создаетъ *эпоху революціонной фразеологіи*. Въ пылу увлеченія, она мечтаетъ объ агрессивномъ выступленіи противъ царскаго самодержавія и закрѣпляетъ это клятвой на вѣрность революціи.

Это приподнятое настроеніе отразилось и въ дебатахъ засѣданія 29-го. Здѣсь было декретировано устами московскаго делегата В., предсѣдателя этого собранія, что „какъ народъ не сдѣлаетъ революціи безъ интеллигенціи, такъ и интеллигенція не сдѣлаетъ ея безъ народа". Онъ же указалъ на сверхъклассовое соціальное положеніе интеллигенціи, могущей, въ силу этого своего сверхклассоваго положенія, мирить крайности требованій „трудящихся массъ" съ одной стороны и господствующихъ классовъ — съ другой. Словомъ, лучшій арбитръ, потому что онъ какъ разъ вотъ и надъ спорящими сторонами... Таково соціальное положеніе дряблаго россійскаго интеллигента и таковы его соціологическіе горизонты! Только одинокіе голоса протестовали противъ этихъ перловъ „идеологіи" дикарей. „Интеллигенція бессильна,—сказалъ кіевскій делегатъ В.,—всегда и всюду народъ и только онъ дѣлаетъ революцію". „Сила тамъ, гдѣ сталкиваются массы,—сказалъ петербургскій делегатъ Н.,—необходимо признаніе со стороны съѣзда, что сила не здѣсь, а тамъ". Но эти утвержденія не вызываютъ сочувствія съѣзда.

На этомъ же собраніи однимъ изъ [illegible] делегатовъ была предложена резолюція отъ имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Вотъ ея текстъ: „Р. С. Д. Р. П., партія революціоннаго пролетаріата, ставитъ своей [illegible] демократической республики. [illegible]

[illegible]

—————

[1]) [illegible]

демократія считаетъ крайне настоятельной задачей координированія дѣятельности всѣхъ революціонно-демократическихъ группъ и организацій въ интересахъ энергіи удара. Считая, что координированіе всѣхъ революціонныхъ силъ можетъ имѣть революціонный, а не призрачный характеръ лишь въ томъ случаѣ, когда цѣлью его ставятся въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣленныя боевыя дѣйствія, и принимая во вниманіе, что главной боевой силой революціи и, въ частности, возстанія является россійскій пролетаріатъ, соціальдемократическая партія призываетъ всѣ демократическія группы признать тотъ выводъ, что единственно-реальной формой соподчиненія дѣятельности этихъ революціонныхъ группъ является *всестороннее обслуживаніе пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія*.

Въ виду того, что подготовка возстанія и, въ частности, вооруженіе передовыхъ рядовъ пролетаріата требуетъ чрезвычайнаго напряженія всѣхъ организаціонныхъ и матеріальныхъ силъ Партіи, соціальдемократія призываетъ всѣ демократическія группы къ неотложной матеріальной поддержкѣ революціоннаго пролетаріата на нужды вооруженія. Что же касается тѣхъ или другихъ совмѣстныхъ революціонныхъ актовъ, то таковые могутъ *каждый разъ подготовляться путемъ сношенія* отдѣльныхъ революціонно-демократическихъ организацій съ Соціальдемократической Партіей въ лицѣ ея центральныхъ учрежденій".

Резолюція была встрѣчена съѣздомъ враждебно и отвергнута имъ безъ преній. Вскользь только было указано на желаніе „какихъ-то самозванныхъ конвентовъ" низвести насъ, адвокатовъ, на роль „денежныхъ мѣшковъ"—этотъ перлъ мудрости принадлежитъ смоленскому делегату Х.

Вторая резолюція, внесенная товарищемъ, кіевскимъ делегатомъ С., не смотря на всю ея умѣренность, также отвергается съѣздомъ. „Глубоко убѣжденные,—гласитъ эта резолюція,—что само правительство не создастъ народнаго представительства на демократическихъ началахъ, что всѣ легальныя средства исчерпаны русскимъ народомъ въ его борьбѣ съ самодержавіемъ, что вооруженные одной силой права, мы безсильны въ борьбѣ съ правительствомъ, что это послѣднее уступитъ лишь праву силы — мы заявляемъ, что задачей союза является организація, совмѣстно съ революціонными партіями *политическихъ дѣйствій, боевого характера* для сверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія". Эта резолюція объявлена предсѣдателемъ собранія противорѣчащей „всему, что до сихъ поръ говорилось на съѣздѣ". Это невѣрно. Революціонная фразеологія, какъ это видно изъ предыдущаго, царила на съѣздѣ адвокатовъ. Но когда дѣло дошло до подписанія резолюціи, призывающей къ *политическимъ дѣйствіямъ боевого характера*, къ признанію *права силы*—лишь тогда сказалась вся дряблость россійскаго либерала. Въ своемъ качествѣ благоразумнаго и умѣреннаго буржуа, онъ никогда не теряетъ надежды на уступки со стороны правительства его либеральнымъ требованіямъ, если и не во всемъ, то въ крайности, по Щедринов ски,—„хоть что-нибудь". А эта резолюція категорически настаиваетъ на необходимости „дѣйствій боевого характера". Да, это, дѣйствительно, противорѣчитъ, если и не всему сказанному на съѣздѣ, то несомнѣнно тому, что чувствовалось большинствомъ участниковъ его. Такова ужъ судьба россійскаго либерализма—обиліе фразъ и боязнь дѣла.

Здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слово уже упомянутаго нами смоленскаго делегата объ „алхимикахъ, пришедшихъ цѣлымъ рядомъ таинственныхъ процессовъ къ выводу объ отсутствіи легальныхъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Нѣтъ, я не алхимикъ и думаю, что эти средства далеко не исчерпаны". И какъ думать иначе смоленскому делегату, когда за нимъ сохранена еще возможность писать петиціи, резолюціи, представленія и заключенія? Ими и только ими смоленскій Донъ-Кихотъ ниспровергнетъ ненавистную ему „бюрократію" и на ея развалинахъ онъ водрузитъ величественную статую свободы.

Однако, конечнымъ результатомъ преній является слѣдующая резолюція. Союзъ адвокатовъ считаетъ необходимымъ:

1) Изданіе боевого политическаго органа печати.

2) Матеріальную и нравственную поддержку революціоннымъ партіямъ.

3) Учрежденіе общества страхованія членовъ союза на случай ареста.

4) Содѣйствовать вооруженію населенія.

5) Забастовку и выходъ изъ залы суда, въ видѣ политической демонстраціи. (Систематическая забастовка адвокатовъ отвергнута).

6) Пропаганда въ народѣ идеи о неплатежѣ налоговъ.

7) Цѣль союза: политическая пропаганда, распространеніе конституціонныхъ идей въ народѣ, политическое воспитаніе массъ, собираніе свѣдѣній о политическихъ событіяхъ, происходящихъ въ странѣ, и широкое ихъ оглашеніе.

Я указалъ здѣсь наиболѣе существенные пункты резолюціи этого засѣданія. Резолюція принята.

$5^1/_2$ часовъ. Перерывъ до $8^1/_2$. А новому собранію бюро съѣзда предлагаетъ пересмотрѣть пунктъ резолюціи, гласящій о содѣйствіи вооруженію населенія. Вѣдь это полный составъ преступленія по 249 ст. Уг. Ул. — мотивируетъ большинство ораторовъ свое предложеніе объ отмѣнѣ этого пункта. Кавказскій делегатъ Г., внесшій предложеніе о вооруженіи проситъ считать этотъ пунктъ „какъ бы несуществовавшимъ"—и этотъ злополучный пунктъ торжественно проваливается.

Очередь за слѣдующимъ. Какъ же объявить о поддержкѣ революціонныхъ партіямъ, вѣдь это открытое выступленіе противъ правительства и можетъ быть квалифицировано, какъ государственное преступленіе, и „доставить такое удовольствіе прокурорскому надзору—я не считаю возможнымъ"—патетически восклицаетъ присяжный повѣренный М. Еще и еще разъ ораторовъ все съ тѣми же соображеніями обывательскаго свойства. Напрасно кіевскій делегатъ Л. напоминаетъ съѣзду о Ганнибаловой клятвѣ на вѣрность революціи, указывая на то, что „Вы, адвокаты, не революціонеры по существу", что, широкое демократическое обновленіе общества явится результатомъ революціоннаго натиска пролетаріата, и „наша задача, какъ демократической части буржуазіи, имущаго класса, придти на помощь революціоннымъ партіямъ, плодотворная дѣятельность которыхъ часто тормозится отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ". „Вы, — продолжаетъ ораторъ, — говорите о грозной силѣ прокурорскаго надзора въ то время, когда пролетаріатъ не устрашился грозной силы самодержавныхъ штыковъ. Оставьте обывательскія соображенія—ими не дѣлаютъ революціи.

Мы должны, мы обязаны оказывать матеріальную помощь революціоннымъ партіямъ, и этотъ пунктъ долженъ войти въ программу союза, какъ главная его задача". Еще нѣсколько ораторовъ настаиваютъ на сохраненіи этого пункта, но это не спасаетъ его: голосованіе даетъ 63 за исключеніе, 59 противъ.

Послѣ этого делегаты соціальдемократы вырабатываютъ слѣдующую резолюцію:

„Въ виду того, что съѣздъ адвокатовъ, какъ это видно изъ цѣлаго ряда принятыхъ имъ резолюцій, ставитъ своею [illegible]

[illegible]

(59). Это предложеніе не примиряетъ недовольныхъ. Тогда московскимъ делегатомъ Х. предлагается компромиссная резолюція:

„Признавая громадное культурное и политическое значеніе дѣятельности революціонныхъ партій, съѣздъ адвокатовъ высказываетъ свою полную солидарность съ ними въ стремленіяхъ установить въ Россіи новый государственный порядокъ на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права". Резолюція, какъ видите, ни къ чему не обязывающая. Инцидентъ улаженъ, только товарищи соціальдемократы, выбранные въ бюро союза, рѣшаютъ выйти изъ состава бюро.

* * *

Бурное безпорядочное засѣданіе 30-го. Въ сосѣдней комнатѣ полицейскій нарядъ. Московскій делегатъ У. указываетъ на важную роль, какую призваны сыграть адвокаты въ соціальной драмѣ, переживаемой Россіей. „На нашей обязанности, — говоритъ ораторъ — лежитъ оформить тѣ общія всему русскому обществу стремленія, которыя выражаются въ исканіи новыхъ формъ политической жизни, и мы должны дать обществу полный текстъ конституціоннаго закона". Въ основу конституціи должны быть положены слѣдующія начала: а) народное представительство осуществляется въ формѣ постоянно дѣйствующаго самостоятельнаго учрежденія, организованнаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; б) народнымъ представителямъ принадлежитъ право законодательной власти, не исключая законодательнаго почина, установленіе государственной росписи и налоговъ и контроль надъ властью исполнительной; в) исполнительная власть ввѣряется кабинету министровъ, отвѣтственному передъ народными представителями; г) въ основу государственнаго устройства должны быть положены слѣдующіе принципы: независимость и несмѣняемость судей, широкое примѣненіе выборнаго начала при замѣщеніи судебныхъ должностей, широкое участіе присяжныхъ засѣдателей въ отправленіи правосудія съ исключительной подсудностью суду присяжныхъ всѣхъ преступленій политическихъ и по дѣламъ печати, полное осуществленіе гласности и недопустимость изъятій изъ общихъ правилъ судопроизводства по роду дѣлъ и положенію лицъ; д) всѣмъ русскимъ гражданамъ, безъ различія пола, происхожденія, вѣроисповѣданія и національности должны быть гарантированы слѣдующія права: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, вѣроисповѣданія, свобода передвиженія, собраній, союзовъ, стачекъ и равноправность всѣхъ національныхъ языковъ; е) организація мѣстнаго управленія на началахъ безсословнаго и независимаго самоуправленія.

На этихъ основаніяхъ бюро союза займется выработкой конституціоннаго акта.

Московскій делегатъ Z. предлагаетъ дополнить первый пунктъ прибавкой „безъ различія пола". Для съѣзда адвокатовъ это предложеніе является спорнымъ. Тотъ же делегатъ требуетъ отъ съѣзда высказаться по вопросу о палатной системѣ. Онъ предлагаетъ положить въ основаніе однопалатную систему, какъ единственную прочную гарантію демократическаго строя. Для г. Кальмановича „вопросъ о палатахъ — вопросъ частный, а мы намѣчаемъ лишь основные пункты"; для г. Гессена это вопросъ крайне спорный въ наукѣ и онъ отказываетъ съѣзду въ компетенціи на рѣшеніе его. Одного, однако, не понялъ г. Гессенъ. Не понялъ того, что вопросъ о палатной системѣ споренъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку въ современной наукѣ борются два теченія — буржуазное и пролетарское. Страхъ передъ краснымъ призракомъ побуждаетъ буржуазію создавать крѣпкія заставы вліянію пролетаріата въ законодательной жизни страны. Этой заставой и является вторая палата, рекрутируемая изъ родовитыхъ и крупныхъ буржуа, вѣрныхъ церберовъ прерогативъ господствующаго класса. Какъ нѣкогда абсолютизмъ въ борьбѣ съ оппозиціонной буржуазіей отстаивалъ необходимость верхней палаты, какъ средства обезпечить вліяніе за тѣми слоями населенія, съ которыми отождествляла свои интересы монархія, точно такъ современная буржуазія въ верхней палатѣ ищетъ спасенія отъ все растущаго вліянія класса пролетаріата. Вспомните реставрацію Бурбоновъ, Сто дней Наполеона I, буржуазную монархію Луи-Филиппа.

Для пролетаріата, „сословія обездоленнаго, не имѣющаго и не могущаго выставить никакого исключительнаго ни правового, ни фактическаго условія — ни благородства происхожденія, ни землевладѣнія, ни обладанія капиталомъ, — условія, которыя онъ могъ бы обратить въ новую привиллегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества" — для этого сословія вопросъ о палатной системѣ не спорный вопросъ. Одна, и только одна палата, избираемая всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, можетъ обезпечить широкое демократическое обновленіе общества.

Тотъ же классъ, классъ пролетаріата, въ нѣдрахъ котораго нѣтъ и не можетъ быть зародыша новой привиллегированности, не считаетъ спорнымъ и вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Врагъ всякихъ ограничительныхъ и исключительныхъ законовъ, врагъ привиллегій однихъ и безправія другихъ, пролетаріатъ зоветъ къ сознательной политической жизни всѣ элементы страны, широко открывая политическую и общественную сферы дѣятельности передъ женщиной.

Передъ самымъ закрытіемъ съѣзда была принята безъ всякихъ преній слѣдующая резолюція.

Принимая во вниманіе:

1) что современный бюрократическій строй не можетъ удовлетворить потребностямъ страны;

2) что само правительство принуждено было признать необходимость участія выборныхъ представителей народа въ государственномъ устроеніи;

3) что, такимъ образомъ, нынѣ наступилъ моментъ общественнаго самоуправленія;

4) что всѣ члены съѣзда, какъ бы различны ни были ихъ политическіе и соціальные взгляды, сходятся въ томъ, что ближайшей задачей минуты является: а) замѣна существующаго строя демократическимъ конституціоннымъ режимомъ и б) освобожденіе всѣхъ трудящихся слоевъ населенія изъ подъ гнета современныхъ экономическихъ условій — съѣздъ постановилъ: 1) образовать среди присяжной адвокатуры политическій союзъ для достиженія этой цѣли, т. е. введенія въ Россіи демократически-конституціоннаго строя на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и 2) опубликовать объ образованіи этого союза во всеобщее свѣдѣніе.

По вопросу о томъ, что представляетъ собою союзъ адвокатовъ, съѣздъ согласился съ мнѣніемъ кіевскаго делегата С., что это не политическая партія, а профессіональный союзъ, ставящій ad hoc опредѣленныя политическія цѣли. Союзъ-союзовъ—это временное соединеніе силъ для проведенія въ жизнь опредѣленной политической программы—таково мнѣніе съѣзда. Этимъ рѣшеніемъ съѣздъ адвокатовъ создалъ возможность для адвокатовъ, членовъ различныхъ партійныхъ организацій, оставаться членами союза.

Но что такое союзъ адвокатовъ, что такое союзъ—союзовъ? Съ нашей точки зрѣнія, тотъ и другой являются, — говоря словами петербургскаго делегата [illegible] [illegible]

[illegible]

товъ представителей буржуазной интеллигенціи. Но въ томъ то и грѣхъ всѣхъ этихъ „сверхклассовыхъ“ интеллигентовъ, наивно убѣжденныхъ въ томъ, что они являются носителями высшей правды и справедливости.

Намѣченными въ программѣ союза пунктами дѣятельности, поскольку онъ будетъ ихъ осуществлять, союзъ можетъ оказать нѣкоторое содѣйствіе дезорганизаціи силъ правительства, но этимъ и только этимъ исчерпывается все общественное значеніе союза-союзовъ.

* * *

Реальной силой въ борьбѣ съ самодержавіемъ всякіе политическіе союзы буржуазіи станутъ лишь тогда и постольку, когда и поскольку они найдутъ соотвѣтственныя формы борьбы за осуществленіе своихъ требованій. Буржуазія понимаетъ, что, вооруженная одной силой слова — а таково фактически вооруженіе ея союзовъ, — она не сломитъ твердыни деспотизма; революціонное же дѣйствіе чуждо ея природѣ. Это фатальное безсиліе вынуждаетъ буржуазную демократію, для осуществленія своихъ требованій, искать опоры въ широкихъ слояхъ народа. Чѣмъ шире эти слои, тѣмъ больше среди нихъ пролетарскихъ элементовъ, требующихъ полной и всесторонней демократизаціи политическаго и общественнаго строя. Буржуазія, по самой природѣ своей, этихъ требованій удовлетворить не можетъ и партія пролетаріата со всей энергіей будетъ стремиться разоблачать всю нерѣшительность и половинчатость соціальной политики буржуазіи. Это, въ свою очередь, увеличитъ шансы того, что требованія революціоннаго пролетаріата явятся лозунгами народныхъ массъ, и соціально-экономическія резолюціи буржуазной демократіи развѣ лишь на очень короткое время завоюютъ сознаніе и внесутъ смуту въ умы борющихся пролетаріевъ, но не смогутъ привлечь этихъ массъ на ея сторону. А безъ нихъ она безсильна. Изъ этого неизбѣжно приходится сдѣлать тотъ выводъ, что *лишь черезъ посредство революціоннаго пролетаріата буржуазная демократія осуществитъ свои требованія.*

Сплоченіе передовыхъ элементовъ пролетаріата для подготовки рѣшительной борьбы за свободу — такова главная задача настоящаго момента для партіи пролетаріата и, слѣдовательно, лишь всестороннее обслуживаніе пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія является *единственно реальной* формой дѣятельности буржуазіи въ цѣляхъ осуществленія ея идеаловъ.

А. В. С.

Майскіе дни.

Петербургъ, 2 мая. Въ Нарвскомъ районѣ въ листкахъ рабочіе приглашались собираться въ 12 час. дня на Петергофское шоссе между Школьнымъ переулкомъ и Путиловскимъ заводомъ.

Наканунѣ митинга на Путиловѣ не было, такъ какъ не остановили рабочихъ, а еще за день (въ пятницу) попытка комитета устроить митингъ привела къ аресту оратора. Въ первомъ часу я вышелъ на шоссе, проѣхалъ сначала во всю длину туда и обратно по конкѣ, а затѣмъ былъ у мѣста сбора и оставался тамъ до третьяго часа. Картина такая. Все шоссе какъ бы вымерло. Вагоны ходятъ пустые, у воротъ не стоитъ публика (воскресенье!), не видно почти прохожихъ. Только у угла шоссе и Овсянникова переулка стоитъ на мѣстѣ довольно плотная кучка въ 200 чел. (или нѣсколько больше) организованныхъ рабочихъ и ходитъ небольшое количество сыщиковъ, разсматривающихъ физіономіи. *Изрѣдка* проѣзжаетъ патруль изъ нѣсколькихъ казаковъ. Въ сосѣднихъ дворахъ — въ церкви — войскъ нѣтъ. Довольно достовѣрныя извѣстія гласятъ, что администрація рѣшила въ случаѣ только митинговъ не подавлять ихъ войсками, пока они въ районахъ, и лишь не пускать въ городъ. Подтвержденіе этого, кромѣ другихъ признаковъ, вижу въ слѣдующемъ. Вы знаете, группа обратилась съ резолюціей по поводу перваго мая къ съѣзду журналистовъ съ требованіемъ поднять вопросъ о первомъ мая въ печати, депутація организованныхъ рабочихъ группы ѣздила въ Финляндію на съѣздъ инженеровъ, и послѣдній разослалъ заявленіе въ другіе общественные союзы. Въ результатѣ, въ думу стали поступать заявленія союза врачей, союза конторщиковъ и бухгалтеровъ и другихъ о принятіи мѣръ къ содѣйствію рабочимъ (въ смыслѣ протеста противъ возможнаго кровопролитія), въ газетахъ стало появляться много замѣтокъ о 1 мая и, наконецъ, городской голова поѣхалъ къ градоначальнику объясняться, и тотъ далъ ему „самыя успокоительныя завѣренія“ — такъ сказано въ „Бирж. Вѣдом.“. Грошъ цѣна этимъ завѣреніямъ и они не задумались бы помѣшать рабочимъ устроить демонстрацію въ городѣ, но возможно, что, не желая озлоблять болѣе, рѣшились терпѣть собранія по районамъ.

Возвращаюсь къ Нарвскому. Товарищи не расходились и ждали извѣстій изъ другихъ районовъ, можетъ, гдѣ-нибудь что-нибудь вышло, — пойти туда и присоединиться. Извѣстій, таковыхъ не было. Это былъ смотръ нашей организаціи Путиловскаго завода. Рабочихъ изъ комитетской организаціи было нѣсколько человѣкъ; когда опрашивали, почему ихъ мало, сказали, что больше нѣтъ. Говорили, что у нихъ всего 6 кружковъ во всемъ районѣ. Нѣкоторые арестованы, а что есть, то здѣсь. Было и нѣсколько с.-ровъ. Нѣкій рабочій-центровикъ смѣшно замѣтилъ: если бы я раньше зналъ, что у васъ есть революціонеры, я былъ бы соц.-демократомъ.

Такъ какъ комитетъ заключилъ соглашеніе о томъ, что онъ присоединяется къ митингамъ, и такъ какъ въ Нарвск. районѣ не было никакихъ признаковъ агитаціи противъ митинговъ, то ясно, что они столь слабо представлены не въ силу какой-нибудь тенденціи, а въ силу бѣдности людьми. На улицу, словомъ, вышло то, что сплотила группа и только (это типично и для другихъ районовъ, кромѣ Невскаго и Выборгскаго). Были нѣкоторые голоса, чтобы все же „что-нибудь“ сдѣлать, я, въ числѣ другихъ, былъ противъ, ибо выступленіе только организованныхъ рабочихъ совсѣмъ не имѣло бы того смысла и значенія, которое мы придавали первому мая. Рѣшили, чтобы мнѣ поѣхать въ „главный штабъ“, прислать оттуда оффиціальныя свѣдѣнія; если нигдѣ ничего, и разойтись.

Въ штабѣ узналъ слѣдующее. На Васильевскомъ Островѣ, на Большомъ Проспектѣ явилось 200—250 организ. рабочихъ группы, но она не стояла кучей, какъ на Петербург. шоссе, а бродили по тротуарамъ. Казаки не трогали. Въ другомъ мѣстѣ Вас. О., помнится, на 6 линіи, оказались вызванные листками наши же организованные съ Петербргской стороны (митингъ на Петерб. сторонѣ былъ еще въ пятницу отмѣненъ въ силу провала нѣкоторыхъ товарищей). Они вдругъ сами запѣли, закричали „долой самодержавіе“, стали читать вслухъ прокламаціи или просто передавать ихъ содержаніе. Нѣчто до того маленькое (человѣкъ 150 всѣхъ шедшихъ по тротуару), что когда казаки пріѣхали, они вовсе не свирѣпствовали, хотя многіе остались стоять и даже не побѣжали. Изъ бѣгущихъ кое-кому немножко влетѣло. Оружія наши, по счастью, не пустили въ ходъ. Такіе эпизоды: запуталась дѣвица въ проволокѣ, ей помогаютъ отцѣпиться отъ колючекъ, подлетаютъ казаки, машутъ нагайками, но не бьютъ и отъѣзжаютъ и т. п. Всѣ разошлись, кучка ходила еще въ Петровскій паркъ, постояла и ушла. Шпики открыто говорили другъ другу: вотъ они, здѣсь, такіе-то, показывали пальцами. Никакой агитаціи комитета противъ митинга не было и здѣсь, отсутствіе комитетскихъ объясняется ихъ слабостью на островѣ, вѣрнѣе несуществованіемъ. Комитетчикъ сказалъ мнѣ, что изъ имѣющихся на весь городъ 30 револьверовъ они не посылаютъ туда ни одного, такъ какъ, вслѣдствіе проваловъ, какъ онъ выражался, у нихъ тамъ нѣтъ организаціи, но есть лишь ея возможность, связи, знакомства. Слѣдуетъ замѣтить, что мы не досчитывались нѣкоторыхъ организованныхъ и съ Путиловскаго завода, и съ Балтійскаго, и съ другихъ, именно такъ называемыхъ „стариковъ“, которыхъ не вышло, вѣрно, по сотнѣ, между тѣмъ, наканунѣ митинга на Балтійскомъ заводѣ прошелъ очень хорошо, тысячи 2-3 чел. Они чувствуютъ, согласны, что необходимо то-то, но не настолько заинтересованы, чтобы заявить это активно.

На Петербургской сторонѣ ничего не было, такъ какъ наши петербуржцы ушли на В. О., „большинство“ же тамъ существуетъ, какъ въ Нарвскомъ и Васильевскомъ районахъ, т. е. — на бумагѣ. Въ городскомъ районѣ также была выставка нашихъ организованныхъ. Наканунѣ митинга на разныхъ заводахъ и и фабрикахъ прошли здѣсь хорошо, но къ 12 часамъ на Боровой ул. было лишь 150 членовъ нашей организаціи, изъ нихъ половина — не рабочіе. Постояли, пока организаторъ не распустилъ по домамъ и ушли безъ всякихъ приключеній. Говорили нѣкоторые, что часъ выбранъ не удобно, что въ 12 час. всѣ обѣдаютъ, но, мнѣ кажется, этимъ объяснять не приходится, да, вѣдь, и ждали везлѣ по нѣсколько часовъ. Арестовъ не было и здѣсь, а на Васильевскомъ Островѣ взяли было одного или двухъ и отпустили почти сейчасъ же.

За Невской заставой произошло слѣдующее. Не смотря на объявленіе комитета, что онъ за митингъ (онъ даже сказалъ, что большую долю своихъ револьверовъ пошлетъ въ Невскій районъ), — большевики вдругъ развили въ субботу агитацію противъ митинга, „этой бойни“, какъ они говорили; въ этомъ же смыслѣ толковали листокъ своего комитета, и ихъ агитація принесла извѣстный вредъ, такъ какъ на Семянниковскомъ заводѣ они сильнѣе насъ. Въ другихъ мѣстахъ — у Паля, на Обуховскомъ и другихъ — субботніе митинги прошли хорошо, у Паля, напримѣръ, митингъ продолжался $1\frac{1}{2}$ часа, масса задавала нашему оратору вопросы и т. п. Вообще, за предмайскую недѣлю наша организація устроила тамъ 12 большихъ массовокъ и рядъ митинговъ на фабрикахъ и заводахъ, хорошо проходившихъ, такъ что неприходъ неорганизованныхъ я объясняю не внезапной контръ-агитаціей большинства, удержавшей лишь ихъ организованныхъ рабочихъ, но болѣе общими причинами. Между прочимъ с.-р.-ы распространяли и на тракту и въ Выборгскомъ районѣ много листковъ противъ празднованія 1 мая. Но они, по крайней мѣрѣ, не заключали соглашенія о присоединеніи къ выступленію! Комитетъ же даже желалъ, чтобы указанныя въ нашихъ призывныхъ листкахъ мѣста были переведены за общей подписью и мы, понятно, ничего не имѣли противъ, хотя это, въ концѣ концовъ, и не было имъ исполнено, по случайнымъ причинамъ. Какъ бы тамъ ни было, распространяли мы въ Заневскомъ районѣ 10.000 листковъ съ указаніемъ мѣста, а на Братскую могилу (Преображенское кладбище) явилось лишь 400—500 чел. нашихъ организованныхъ (изъ Колпина, за 7 верстъ, пришло всего 50 чел).

Какая то буржуазная демократка стала вдругъ истерически выкрикивать: „рабочіе, васъ привели на бойню, разойдитесь“ и т. п., но сочувствія не встрѣтила. Стояли, смысла что-либо устраивать самимъ для себя, очевидно, не было, и пошли домой — съ пѣснями, „долой самодержавіе“ и проч.; помнится, и красное знамя выкинули. Казаки сначала ничего, потомъ имъ заблагоразсудилось разгонять, нѣкоторые побѣжали — тѣхъ преслѣдовали, кто не бѣжалъ — тѣхъ не трогали, и всѣ разошлись. Хуже всего было на Выборгской сторонѣ; такъ какъ тамъ призывные листки провалились, даже изъ организованныхъ лишь часть успѣла узнать мѣсто, вышло 70 человѣкъ, побродили и ушли. Субботняя пріостановка работъ для митинговъ была сорвана большевиками, которые кричали: не надо, молъ, ни митинга 1 мая, ни субботы, а въ понедѣльникъ забастуемъ, такъ было и у Лесснера и на всѣхъ другихъ заводахъ.

И такъ, 1 мая вышли лишь 1200-1300 нашихъ, да пара сотъ не вышла, да сотня была связана съ семью штабами и друг. Прибавлю, что въ часу пятомъ на Петербургскомъ шоссе набралось у воротъ, у заставы, на углахъ и пр. снова тысячи полторы-двѣ, тогда кучки начинали сами пѣть пѣсни, выкидывать красное знамя и т. п. Казаки иногда принимались разгонять. Началъ ходить какой то чиновникъ департамента полиціи, тыкалъ въ кого-нибудь и трое козаковъ забирали его. Такъ взяли 5 рабочихъ, побившихъ городового за то, что онъ толкнулъ кого то, и еще кое кого. Наконецъ, уличный штабъ распустилъ рабочихъ по домамъ. Между прочимъ, ночью на первое мая въ районѣ были обыски, у кого находили браунинги — забирали, въ общемъ, однако, не много.

Петербургъ, 5 мая. На Семянниковскомъ зав. группѣ удалось провести черезъ собраніе старостъ резолюцію, напечатанную въ „Новостяхъ“ (безъ конца, въ которомъ говорится, что самодержавіе способно только обманывать народъ и т. д.) На этомъ же заводѣ былъ 2 мая удачный митингъ, на которомъ говорилъ нашъ ораторъ, укорявшій массу за невыходъ ея въ день 1 мая и звавшій выйти съ нимъ на улицу, что и было исполнено — прошлись съ пѣніемъ пѣсенъ, было столкновеніе съ казаками. На Путиловскомъ заводѣ вечеромъ 1 и 2 мая арестовали нѣсколькихъ рабочихъ. На Рѣчкинскомъ заводѣ въ ночь на третье арестовали Иванова и Стромина. Утромъ наши убѣдили всѣ мастерскія бросить работы, высыпать въ конторы и объявить забастовку до ихъ освобожденія. Прибытіе полусотни конныхъ жандармовъ не показалось рабочимъ убѣдительнымъ доводомъ противъ забастовки. Выбрали двухъ депутатовъ — Ольшевскаго и Соколова; они поѣхали къ градоначальнику и онъ далъ имъ честное слово, что не позже, какъ черезъ два дня, арестованные будутъ освобождены.

Неудавшееся военное возстаніе и удачная мавевка въ деревнѣ. Ново Александрія. Въ „Искрѣ“ уже была помѣщена корреспонденція изъ Н.-Александріи, ярко рисующая крайне революціонное настроеніе стоящихъ тамъ 71 Белевскаго и 72 Тульскаго полковъ. Во время январскихъ событій революціонныя организаціи ихъ обратились къ Южному Комитету С.-Д. Ц. П. и Л. съ предложеніемъ вести ихъ на Варшаву. Предлагали захватить поѣздъ и ѣхать въ центръ рабочаго движенія, предлагали перебить офицерство, съ красными знаменами двинуться на Люблинъ, Ивангородъ. На массовкахъ (было нѣсколько, до 300 человѣкъ) солдаты прямо горѣли. Комитетъ всячески сдерживалъ наэлектризованную массу, не рѣшался выпускать къ ней призывныя къ борьбѣ прокламаціи. Комитетомъ устроена была только одна закрытая (въ лѣсу) демонстрація съ 400 участн. Настроеніе массы все же выливалось при всякомъ случаѣ. Белевскій полкъ открыто отказался идти на войну, на рѣчь полкового командира о войнѣ и о долгѣ солдата отвѣтилъ единогласнымъ „Долой войну! Долой мобилизацію!“ Оба полка отказывались нести караульную службу въ Радомѣ, Кѣльцахъ, Томашевѣ, отказывались участвовать въ усмиреніи забастовщиковъ. Возвращаясь изъ этихъ городовъ въ Н. Александрію, солдаты пѣли революціонныя пѣсни. Начальство прямо терялось. Офицеры ходили въ полномъ боевомъ вооруженіи[1]), истерически заискивали передъ солдатами. Изъ многихъ случаевъ, характерныхъ для обѣихъ сторонъ, приведу слѣдующій фактъ: одинъ ротный командиръ обратился къ солдатамъ своей роты съ рѣчью, которую закончилъ обѣщаніемъ награды имъ за ихъ вѣрную службу „по три коп. на папиросы“. Тогда одинъ солдатъ вышелъ изъ строя и молча подалъ офицеру пятакъ. Поступокъ этотъ не вызвалъ никакихъ репрессій со стороны напуганнаго начальства. Пробовали, однако, искать корней. Арестовали двухъ солдатъ, одного студента сельско-хоз. института Сабашникова (впрочемъ, неизвѣстно, въ чемъ его обвиняютъ. При обыскѣ ничего не найдено). Но преступный комитетъ и центръ Военной Организаціи въ Н.-Александріи продолжали исправно свою работу, ни мало не пострадавъ. Царское правительство рѣшило, наконецъ, расправиться съ неблагонадежнымъ, сплошь распропагандированными, полками. И, конечно, мѣстомъ ссылки для нихъ явиться долженъ былъ Дальній Востокъ. Рѣшено было въ апрѣлѣ отправить части этихъ полковъ на войну. Настроеніе солдатъ стало тогда такимъ приподнятымъ, въ особенности послѣ распространенія „Солдатской памятки“, что К. вынужденъ былъ попытаться руководить революціоннымъ выступленіемъ солдатъ.

Центръ В. Р. О. въ Ново-Алекс. обратился къ Ю. Ком. съ выработаннымъ имъ планомъ открытаго возстанія. Вотъ планъ этотъ въ измѣненномъ послѣ совмѣстнаго обсужденія видѣ: 21 апрѣля, въ день, когда офицерство должно было засѣдать въ собраніи, въ назначенный часъ (сначала часъ ночи, потомъ 11 часовъ вечера) наиболѣе распропагандированная рота подъ руководствомъ N. (члена Ц. В. Р. О.), вооруженная винтовками должна была окружить собраніе и арестовать офицеровъ, перебивъ лишь сопротивляющихся. По плану, предложенному Ц., предполагалось собраніе съ офицерами взорвать порохомъ. Въ то же время другія роты захватываютъ патронный складъ, полковыя канцеляріи, артиллерію и пр. Захваченное въ складѣ оружіе должно быть роздано крестьянамъ, которыхъ долженъ былъ созвать Комитетъ. Послѣ захвата важнѣйшихъ пунктовъ, должно было поступать въ зависимость отъ обстоятельствъ. Предполагали или двинуться на Люблинъ, или Ивангородъ, дѣйствовать наступательно, или укрѣпиться въ Н.-Александріи, или итти къ австрійской границѣ, которой, такъ какъ она находится всего въ верстахъ 60, разсчитывали достичь черезъ два дня. Послѣдняго рѣшенія держался Комитетъ, съ нимъ въ концѣ концовъ согласился и Центръ. Рѣшено было только дальнѣйшіе планы держать въ глубокой тайнѣ. Насталъ назначенный день. Но уже въ восемь часовъ одинъ изъ центра явился къ Комитету, крайне взволнованный, и заявилъ, что ничего не можетъ выйти: человѣкъ, который долженъ былъ выполнить первую роль, поколебался и увлекъ за собой остальныхъ. Комитетъ настолько былъ убѣжденъ въ успѣхѣ плана, что сообщеніе это его ошеломило, и онъ не принялъ никакихъ мѣръ для исправленія дѣла. Между тѣмъ, къ 11 часамъ изъ окрестныхъ деревень съѣхалось до 450 крестьянъ съ подводами за полученіемъ оружія. Узнавъ, что ничего не будетъ, они были сильно разочарованы (большинство крестьянъ, впрочемъ, не знало, въ чемъ дѣло — имъ обѣщали новаго оратора). Пришлось распустить ихъ. Дѣло велось такъ широко, что К., опасаясь проваловъ, долженъ былъ пока пріостановить работу. Черезъ два дня попытка возстанія повторилась опять. Оказавшійся ненадежнымъ членъ былъ отставленъ. Настроеніе солдатской массы стало еще болѣе приподнято, когда она узнала о планѣ возстанія. Нѣсколько разъ чуть не доходило до открытаго столкновенія подвыпившихъ солдатъ съ казаками. 23 апрѣля одинъ солдатъ, наряду вызвавъ и вступивъ въ драку съ казаками, громко вызывалъ: „бить враговъ рабочаго народа!“ Онъ цѣлый день буянилъ на улицѣ, выкрикивалъ революціонные возгласы, несмотря на старанія товарищей удержать его. Дежурный офицеръ явился въ казарму увѣщевать его, но онъ едва не былъ побитъ имъ. Когда же онъ велѣлъ арестовать его, другой членъ организаціи бросилъ въ офицера бутылкой. Офицеръ выбѣжалъ изъ казармы и велѣлъ караулу арестовать виновнаго. Но вся рота, взявшись за ружья, не позволила этого. Оба эти товарища сейчасъ же скрылись изъ полковъ.

Ю. К. С.-Д. совмѣстно съ Ц. В. Р. О. выработалъ тогда новый планъ. Около извѣстнаго часа одинъ изъ Ц. долженъ былъ дать сигналъ — выстрѣлъ изъ винтовки, по которому начинается тревога (бьютъ въ барабанъ и т. д). Всполошенную массу предполагалось направить противъ казаковъ и на освобожденіе арестованныхъ двухъ товарищей (одинъ осужденъ на 12 лѣтъ каторги за дезертирство и „пропаганду зловредныхъ идей“). Въ то же время въ городѣ бьютъ въ набатъ, поднимая населеніе. Окрестныя деревни должны дѣйствовать самостоятельно — набатомъ поднять населеніе, громить казенныя заведенія, провозгласить самоуправленіе.

Организованные солдаты (организація насчитываетъ до 700 человѣкъ) были широко извѣщены и были готовы — цѣлыя роты лежали вполнѣ наготовѣ (въ сапогахъ, одѣтыя) встать по условленной тревогѣ.

О началѣ движенія Ю. К. долженъ былъ тотчасъ же получить извѣщеніе. Но прошло 11, 12 часовъ — ничего нѣтъ... Правда, напряженное ухо уловило будто выстрѣлъ-другой... Но больше ничего. Тишина. Напряженно вглядываешься въ мракъ, напряженно вслушиваешься — не идетъ ли вѣстникъ. Все тихо. Только разъ послышался топотъ. Казаки! Въ одно мгновеніе мы были за каменной стѣной кладбища, условленнаго пункта ожиданія. Съ револьверами на готовѣ ждемъ. 30 человѣкъ проѣхало въ шагѣ отъ насъ... Опять ждемъ... Только во второмъ часу пришелъ товарищъ, блѣдный, измученный. Онъ стрѣлялъ два раза, но барабанщики въ послѣднюю минуту дрогнули...

Днемъ пришелъ еще одинъ товарищъ изъ Центра. Онъ передалъ, что солдаты страшно озлоблены противъ Ц., что всѣ ждали только тревоги, и что Ц. еще разъ попытается начать. Планъ Ц.: солдатъ — дезертиръ N. долженъ явиться въ казармы. Популярность его среди солдатъ такъ велика, что, когда его попытаются арестовать, всѣ они встанутъ на его защиту, съ которой и должно начаться движеніе. Временемъ избравъ былъ день, чтобъ были наглядные результаты и чтобы возстаніе не носило уже дискредитированнаго заговорщицкаго характера. Но N не могъ прибыть днемъ въ Н.-Алекс. Комитетъ предложилъ ждать его до семи часовъ; если онъ не будетъ до этого времени, то два товарища (отъ варшавскаго К. В. Р. О. и ораторъ отъ Ю. К.) должны проникнуть (будучи переодѣты въ солдатскія шинели и шапки) въ казармы вмѣстѣ съ товарищемъ изъ мѣстнаго центра. Къ семи часамъ Центръ долженъ всевозможными способами собрать къ какому-либо пункту возможно болѣе сознательныхъ солдатъ, передъ которыми должны быть произнесены руководителями рѣчи. Дальше дѣйствовать предполагалось въ зависимости отъ настроенія массы. Какъ знакъ начала возстанія, долженъ служить набатъ въ бригадной церкви. Это предложеніе К. было принято Центромъ. Въ семь часовъ всѣ три товарища были въ казармахъ. Представитель мѣстнаго центра несъ съ собой красное знамя съ надписями: долой войну! Да здравствуетъ революція!

Но центру не удалось собрать къ условленному часу толпы. Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія на площади среди казармъ. Уже сильно стемнѣло. Центръ изъ силъ выбивался, убѣждая солдатъ взяться за оружіе, выйти изъ казармъ. Варшавскій товарищъ не выдержалъ, и самъ пошелъ въ казармы. Переходя изъ одной въ другую, онъ въ краткой рѣчи призывалъ къ открытому отказу итти на войну, къ открытому возстанію противъ истинныхъ враговъ, звалъ солдатъ къ избіенію подлѣйшихъ офицеровъ, говорилъ о громадномъ значеніи ихъ открытаго возстанія, говорилъ, что онъ бѣглый офицеръ, бѣжавшій отъ войны, пришелъ къ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними открыто бороться противъ нея, противъ несправедливости. Солдаты слушали его вездѣ съ горячимъ сочувствіемъ, но колебались. Многіе бѣжали изъ казармъ, испуганные его рѣчами. Только новобранцы съ горечью отвѣчали ему на призывъ браться за ружья: „нѣтъ у насъ ихъ! отобрали...“ Въ одной казармѣ товарищъ чуть не попалъ въ ловушку. Забывшись, онъ распахнулъ шинель; фельдфебель, замѣтивъ его штатскую одежду, хотѣлъ было запереть сзади него дверь, но товарищъ Х. во время замѣтилъ этотъ маневръ и выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ фельдфебеля.

Центръ въ это время тоже горячо агитировалъ въ казармахъ. Но все было тщетно. Масса не шла за нимъ, уже разочарованная. „Начинайте, мы пойдемъ!“ говорили въ лучшемъ случаѣ. И одинъ изъ Ц. не выдержалъ. Далъ выстрѣлъ, какъ сигналъ; казармы огласились криками: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ сол-

---

[1]) Солдатамъ-новобранцамъ не выданы ружья. Усилены караулы. Всѣ патроны изъ разныхъ цейхгаузовъ перенесены въ патронные склады.

ды!) Паника поднялась страшная. Со всѣхъ сторонъ забили барабаны тревогу, засвистали часовые. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Масса металась. Ц. не могъ руководить, самъ растерялся. Кто-то крикнулъ: „отступать! казаки“! и Ц. члены бѣжали изъ казармы. Выстрѣлы гремѣли сзади. Никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали товарищи. Варшавскій товарищъ выбѣжалъ изъ казармъ, остановился искать брошенный однимъ изъ товарищей въ панкѣ револьверъ. Товарищи его скоро скрылись. Онъ легъ въ канаву, дрожа отъ злости,: почему они бѣжали? вѣдь никто не пытался ихъ задерживать! почему они не слушали его, не били въ набатъ, не шли впередъ? почему опять неудача?... Изъ темноты на дорогу выплыло шесть тѣней. Казаки! Тов. прилегъ безшумно къ землѣ. Они постояли и поѣхали назадъ... Послѣ выяснилось, что тревога была дана дежурнымъ фельдфебелемъ, что ни одинъ офицеръ не посмѣлъ выйти на насъ; всѣ, дрожа отъ страха, прятались по домамъ, такъ что въ дѣйствительности Центръ бѣжалъ отъ своей побѣды; паника начальства была такова, что горсть смѣлыхъ людей могла безпрепятственно дѣлать все, что ей было угодно. Казаки не рѣшились двинуться дальше окраины казармъ. Они стрѣляли: тремя пулями убитъ товарищ-солдатъ Буробинъ, двѣ лошади, одинъ казакъ, одинъ фельдфебель ранены (подробности еще не всѣ выяснены. О доблестномъ товарищѣ Б. дадимъ дополнительныя свѣдѣнія). 15 человѣкъ бѣжало, унося десять винтовокъ. Крестьяне были извѣщены Комитетомъ о происходящемъ лишь въ началѣ перестрѣлки въ казармахъ.. Возбужденіе ихъ было страшное...

Разбитые физически, потрясенные, мы должны были скрыться на время. Начались въ городѣ обыски. Среди солдатъ арестовано нѣсколько человѣкъ. Тульскій полкъ, считающійся начальствомъ понадежнѣе, сталъ на охранѣ казармъ и Бѣлевскаго полка. Повальный обыскъ въ Казимержѣ. Никакихъ результатовъ. Изъ Комитета никто не былъ взятъ.

Настало первое мая. Настроеніе крестьянъ было крайне напряженнымъ. Среди нихъ раньше были распространены майскіе листки С. Д. Ц. П. и Л. Въ ночь на первое въ деревнѣ Казимержѣ надъ нѣсколькими домами взвились красные флаги, въ деревнѣ Конской Волѣ надъ однимъ домомъ поднята повстанческая коса съ краснымъ знаменемъ. Надписи: Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ соц.-дем.! Въ 11 часовъ утра перваго мая началась, устроенная Н. демонстрація въ деревнѣ Ластовницахъ, примыкающей къ Н.-Ал.—до 100 участниковъ. Тов. женщина несла красное знамя съ надписями: „Вольности и хлѣба! Да здравствуетъ соц.-дем.!“ Пѣли „Красное знамя“. Нѣсколько разъ произносились краткія рѣчи. Пѣніе прерывалось возгласами: „Да здравствуетъ первое мая! Да здравствуетъ рабочее дѣло! люд рабочій! Да здравствуетъ соціализмъ! Да здравствуетъ с.-д., Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“ „Вольности и хлѣба мы хотимъ!“ дружно подхватывались эти крики толпой. Шапки прятались. Ни одного стражника. Въ одной рѣчи заклеймили мѣстнаго ксендза, какъ шпика (Ксендзъ говорилъ прихожанамъ, что „эти соціалисты — мерзавцы, грабители, лодыри“). Рѣчь была сказана предъ домомъ на смерть переоугавшагося добровольца. Всѣ празднично одѣты, красные галстуки, петлички. Старики снимали шапки предъ знаменемъ. Нѣсколько женщинъ шли съ ними. Два часа продолжалась демонстрація. Никто не вышелъ въ поле въ этотъ день работать. Не работали во всей округѣ. Кто же пытался, былъ силой возвращаемъ въ деревню.

Изъ Ластовицъ мы поѣхали въ деревню Куровъ. Это довольно большое село, много евреевъ. Не доѣзжая его, увидѣли въ лѣсу высоко развивающееся красное знамя. Куровская организація сама взяла на себя иниціативу демонстраціи. Подъ ея знаменемъ сгруппировалось въ лѣсу человѣкъ около 300 (была одна женщина и нѣсколько евреевъ). Толпой отправились въ село. Подходя къ нему, запѣли „Красное знамя“. На площади села ждала большая толпа народа. Остановились. Произнесли обычные возгласы. Толпа пошла за нами. Картина была грандіозна. Громадный хоръ. Со всѣхъ сторонъ сочувственное „виватъ!“ До 2.000 народа. Нѣсколько рѣчей. Прошли все село и направились къ помѣщичьимъ усадьбамъ по необставленной домами дорогѣ. Вошли въ роскошный садъ помѣщиковъ, прошли его. Предъ домомъ своимъ сидѣлъ помѣщикъ — старикъ, съ женой. Остановились. „Вольности и хлѣба мы хотимъ“, послышались возгласы. „Да здравствуетъ рабочее дѣло! Да здравствуетъ соц.-дем.!“ Помѣщикъ растерялся, махалъ шляпой и что-то бормоталъ. „Не топчите травы“, попросилъ онъ потомъ. „Прочь буржуевъ! Прочь капиталистовъ! Прочь господъ!“ отвѣчали ему. Предъ домомъ управляющаго имѣніемъ остановились. Вызвали его. Одинъ изъ товарищей обратился къ нему: „Почему заставляете рабочихъ работать въ ихъ праздникъ?!“ „Это не я!“ растерянно, пугливо бормоталъ онъ. Кто-то изъ толпы гнѣвно крикнулъ: „Почему обращаешься такъ по скотски съ рабочими! Смотри“. Управляющій кланялся. „Прочь капиталистовъ!“ грянулъ кличъ. Управляющій растерялся, и, самъ поддержалъ кличъ рабочихъ, махая шляпой. Войдя обратно въ паркъ, разошлись въ разныя стороны. Демонстрація продолжалась часа три. Въ этотъ же день была демонстрація с.-д. въ дер. Казимержѣ (100 чел., знамя, пѣсни, недолго, боялись войскъ) и въ дер. „Конская Воля“ (до 300-400 чел., знамя, пѣсни, часа полтора-два, громовая рѣчь оратора отъ К., опоздавшаго на Кур. демонстрацію). Въ Куровѣ было сказано нѣсколько короткихъ рѣчей. Напоминали демонстрантамъ объ ихъ товарищахъ въ городахъ, выступающихъ на демонстраціи противъ солдатскихъ штыковъ и пуль. Память ихъ почтили возгласами. Чудный день! Сильное впечатлѣніе оставилъ онъ у этихъ, до сихъ поръ не видавшихъ ничего подобнаго, крестьянъ. Когда въ сосѣднихъ деревняхъ узнали о Куровской демонстраціи, крестьяне упрекали Ком., что ихъ не извѣстили о ней. „Тысячъ десять бы пришло“.. Казаки прибыли лишь позднимъ вечеромъ. Арестованъ въ Ластовицахъ одинъ крестьянинъ, не захотѣвшій снять краснаго банта по приказу стражника.

Въ ночь на второе мая отправили изъ Н.-Алекс. солдатъ на войну — 1000 чел. шло. Окружили казаками. На рѣчь командира полка кричали: „Долой войну! Долой самодержавіе!“ Но и только. Упадокъ настроенія послѣ неудачныхъ попытокъ..

Членъ Варшавскаго Ком. В. Р. О.

Р. В. Выводъ, который напрашивается самъ собой изъ всего пережитаго: В. Р. О. не должна стоять внѣ рабочей организаціи, но должна быть тѣсно связана съ ней настолько, что ея члены должны входить въ рабочую организацію; надо всячески бороться съ стараніемъ правительства отдѣлить солдатъ отъ жизни. Задача наша связать ихъ съ жизнью. Общія собранія съ рабочими, общіе пропагандистскіе кружки. Самая тѣсная связь съ мѣстнымъ соц.-дем. движеніемъ.

Предложеніе солдатскаго возстанія исходило отъ самыхъ солдатъ, передано было Центромъ В. Р. О. Южному Комитету С.-Д. П. и Л. Южный Комитетъ обратился по этому вопросу къ Главному Правленію С.-Д. П. за совѣтомъ, какъ отнестись къ этому предложенію. Главное Правленіе высказалось противъ самой идеи заговорщицкаго возстанія, указывало на авантюристичность такого предпріятія; но было вынуждено согласиться на него, послѣ заявленія Центра В. Р. О. къ Н.-Александріи, что возстаніе все же вспыхнетъ, такъ какъ настроеніе солдатъ слишкомъ напряжено.

Тогда Южный Комитетъ взялся руководить солдатскимъ движеніемъ.

Въ защиту этой неудавшейся, по моему убѣжденію — лишь по неправильной, слишкомъ заговорщицкой организаціи дѣла, — попытки, скажу лишь, что она не являлась чѣмъ-то въ родѣ с.-р. бомбъ; нѣтъ, тутъ мы видѣли не дѣло революціи, тутъ крестьянская масса глухо волновалась, казалось, черезъ край [illegible] каждой борьбы и эта попытка д. б. стать прологомъ открытаго возстанія широкихъ массъ, должна была стать. Надо было видѣть этихъ людей, этихъ дѣтей, [illegible], [illegible], но только [illegible], [illegible], [illegible]

живою страстью борьбы, живой вѣрой въ побѣду. Надо было видѣть засѣданія солдатскаго, почти сплошь *русскаго* по составу, Центра съ Центромъ агитаторовъ крестьянъ — поляковъ. Братъ понималъ брата, рабочій протягивалъ руку рабочему, живой символъ солидарности пролетаріата всѣхъ странъ... Надо было бы видѣть все это, чтобы понять насъ очевидцевъ, участниковъ „неудачной“ попытки возстанія, чтобы понять нашу вѣру въ успѣхъ ея. Подчеркиваю эту интернаціоналистичность польскаго рабочаго (солдата), которая такъ ярко проявилась, между прочимъ, и въ Н. Александріи.

Подробности рѣзни 1-го мая (18 апрѣля) въ Варшавѣ (Изъ письма рабочаго, участника демонстраціи). Въ минуту, когда безоружная толпа отступила къ ул. Желѣзной, войско осыпало ее градомъ пуль. Стрѣляли безъ команды, одиночно. Трупы и раненые падали, загораживая дорогу бѣгущимъ. Паника все росла. Казаки давятъ лежащихъ, саблями рубятъ старцевъ, женщинъ, дѣтей и раненыхъ пулями. Одному рабочему отрубили половину лица, у какой-то женщины все лицо разрублено. Часть демонстрантовъ, скрывшаяся въ ближайшихъ воротахъ, чтобы избѣжать смерти отъ пуль, пала жертвой разсвирѣпѣвшей солдатчины. Лежащихъ въ воротахъ разстрѣливали, кололи штыками, рубили саблями. Крики бѣгущихъ, стоны раненыхъ, предсмертныя конвульсіи умирающихъ, гулъ выстрѣловъ, свистъ пуль наполняли воздухъ. Нѣкоторые бѣжали черезъ заборъ — стрѣляли за ними въ заборъ, который пробивали пули, стрѣляли также черезъ деревянныя стѣны въ дома. Солдаты выломали оконныя рамы, черезъ выломанное окно застрѣлили лежащаго въ кровати больного еврея, убили дочь сторожа въ квартирѣ. Въ конторѣ склада извести, помѣщающейся подъ № 101 въ Іерусалимскихъ Аллеяхъ, занята была писаніемъ отчетовъ бухгалтерша. Солдатъ безъ всякаго повода выстрѣлилъ и положилъ ее мертвой на мѣстѣ. Одинъ дотащился до лечебницы. Швейцаръ заперъ передъ нимъ двери, отказавъ молившему во всякой помощи; подошли солдаты и добили стонущаго прикладами.

Всѣ раненые и убитые были подстрѣлены съ тылу. Такого гнуснаго насилія надъ безоружной толпой не помнитъ свѣтъ. Ружейная пальба продолжалась 15 минутъ. Цѣлили въ одиночныхъ людей. Патруль, стоявшій на углу Желѣзной и Іерусалимскихъ Аллей, стрѣлялъ по убѣгающимъ въ Желѣзную улицу.

Лужа крови, продырявленный пулями заборъ, куски стѣнъ отбитые пулями, ворота, заваленныя тѣлами раненыхъ и убитыхъ. Вотъ картина таковой побѣды варваровъ 20 вѣка надъ безоружной толпой. Кареты скорой помощи перевозятъ раненыхъ и убитыхъ къ лѣчебницѣ. Тяжело раненые умираютъ при операціяхъ; родные, знакомые, жены, матери, отцы и дѣти плачутъ, безумно ломаютъ руки надъ трупами своихъ близкихъ. Толпа людская тѣснится на мѣстѣ рѣзни, мысли возбуждены, глаза горятъ жаждой мести. Вѣсти быстро расходятся по городу, и повсюду разносятся крики „прочь правительство тирановъ!“ (изъ „Czerw. Standar“).

Лодзь. Петербургскія событія 9-го января немедленно отразились и здѣсь: всѣ фабрики и заводы сразу остановились. Забастовка продолжалась около двухъ недѣль и сопровождалась нѣсколькими десятками убитыхъ и около двухъ сотенъ раненыхъ. Послѣ общей забастовки дѣла все еще не могутъ наладиться въ желательномъ правительству и капиталистамъ направленіи: то та, то другая фабрика останавливается, тамъ опять идутъ работы, потомъ опять остановка и т. д. Кромѣ фабричныхъ рабочихъ, бастовали отдѣльныя группы трудящагося пролетаріата: приказчики, прачки, мясники, пекари, портные... Такъ дѣло шло до 1-го мая. День этотъ останется надолго памятенъ въ исторіи Лодзи: всѣ промышленныя заведенія, торговли, трамваи, мелкія мастерскія остановились, нѣкоторые по доброй волѣ, другіе — подчиняясь требованію различныхъ организацій. Въ разныхъ концахъ города устроены были грандіозныя манифестаціи. Полиція и небольшіе патрули въ такихъ случаяхъ благоразумно прятались, — только болѣе значительные отряды войскъ разгуливали съ барабаннымъ боемъ и пѣснями по городу. Солдаты и полиція, чувствуя тогда силу, позволяли себѣ всякія безчинства, при чемъ, за очень небольшимъ исключеніемъ, доставалось не бойцамъ за свободу, а мирнымъ буржуа, глазѣвшимъ на событія дня. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ офицеръ драгунскаго полка, присланнаго къ намъ изъ Влоцлавска (всего было въ Лодзи въ этотъ день пять пѣхотныхъ полковъ, два эскадрона драгунъ и пять сотенъ казаковъ): въ 10 ть часовъ утра офицеръ этотъ (фамилія его, къ сожалѣнію, не удалось установить), направился кругомъ предмѣстья Балуты въ городъ, построивъ солдатъ въ 4 ряда, при чемъ два ряда ѣхали по тротуарамъ, сталкивая мирную публику на мостовую подъ удары драгунскихъ нагаекъ и сабель (А теперь и драгунъ вооружили нагайками во славу самодержавія!). Днемъ ходили, вопреки своему обыкновенію, поражали всѣхъ своимъ „приличіемъ“, но зато вечеромъ у этихъ любимыхъ царскихъ слугъ аппетиты разыгрались: съ гикомъ и свистомъ носились они по главнымъ улицамъ города, избивая всѣхъ безъ разбора. Результатомъ этого явилось столкновеніе съ народомъ на Торговой улицѣ и Восходней: шесть труповъ (одинъ мальчикъ девяти лѣтъ, старикъ шестидесяти одного года, барышня 18-ти лѣтъ, двѣ мирныя женщины — одна торговка, другая жена зажиточнаго буржуа, — и молодой человѣкъ) и 30 — 40 человѣкъ раненныхъ явились трофеями этихъ неустрашимыхъ слугъ царизма. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ весьма знаменательныхъ явленій: на Восходней улицѣ большая часть солдатъ не стрѣляла; на Глувной патруль не послушался своего предводителя городового и при видѣ манифестаціи вошелъ въ ворота ближайшаго дома. Объясняютъ эти явленія, какъ результатъ воззваній, разосланныхъ во всѣ части здѣшняго гарнизона партіей С.-Д. Польши и Литвы („Къ братьямъ солдатамъ“). Нельзя также замолчать распоряженія военнаго начальства, сдѣлавшаго распоряженіе распечатывать всѣ солдатскія письма, такъ какъ „были случаи присылки противоправительственныхъ подпольныхъ листковъ“. 2-го мая все прошло сравнительно спокойно. 3-го мая совершенно неожиданно разыгралась драма у костела. Партія націоналистовъ, желая сдѣлать хоть что нибудь, вздумала пропѣть въ костелѣ Св. Креста нѣсколько патріотическихъ пѣсенъ („Боже, цось Польска“, и проч.). Только что раздалось пѣніе, какъ появились войска — пѣхота и казаки. Дали въ толпу три залпа (опять многіе стрѣляли вверхъ: повреждены крыша и колокольня костела) и ранили пять человѣкъ (по оффиціальнымъ даннымъ) тяжело и многихъ легко. Характерны нападенія полицейскихъ на офицеровъ: войска не стрѣляли, когда на насъ напала толпа (тогда какъ установлено, что лишь послѣ перваго залпа раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, ранившихъ легко двухъ сѣдоковъ); стрѣляли лишь сѣдоки, пѣхотные солдаты не дѣйствовали совсѣмъ (установлено, что многіе потерпѣли отъ ударовъ прикладами, а одинъ былъ проколотъ въ грудь штыкомъ, отъ чего и умеръ на слѣдующій день). Н. Д. (націоналисты) теперь стараются убѣдить всѣхъ, что это-де соціалисты виноваты во всемъ, — это де они устроили манифестацію и тѣмъ осквернили святыню. Въ костелѣ теперь раздаются ежедневно съ амвона громы и молніи противъ соціалистовъ, при чемъ иниціатива этихъ проповѣдей принадлежитъ варшавскому архіепископу Попелю. Слѣдующіе дни у костела толпились тысячи народа, разсматривали слѣды пуль; многія матери приводятъ своихъ дѣтей, чтобы показать, что дѣлаютъ „москали“. Эти же дни ознаменованы были избіеніями шпіоновъ (сильно избиты Юзикъ, Каминскій, убитъ [illegible]) и покушеніями на убійство полицейскихъ ([illegible] Понятовскаго, напр.). Тѣмъ не менѣе шпіонство пустило глубокіе корни въ Лодзи, благодаря этой системѣ шпіонажа; арестованы у [illegible] двѣ бомбы и нѣсколько револьверовъ; арестовано человѣкъ 30 рабочихъ, при чемъ у большинства находятъ оружіе (у [illegible] сейчасъ обнаружи-

лись цѣлые арсеналы револьверовъ). Изъ шпіоновъ отмѣчено указаніе нѣкоего Таллюса, принадлежавшаго прежде къ партіи П. П. С. и „засыпавшаго“ въ руки полиціи нѣсколько человѣкъ товарищей, а теперь перешедшаго въ партію Соц.-Демократіи Польши и Литвы. Теперь нѣсколько словъ о нашихъ партіяхъ. Самой лучшей организаціей является партія еврейскаго „Бунда“ съ своей боевой „дружиной“: у нея имѣется и касса, и вооруженные кружки, и постоянные ораторы. Работаетъ эта партія вовсю: тысячи листковъ на жаргонѣ, польскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ языкахъ; самыя большія и частыя манифестаціи и т. д. Партія С. Д. П. и Л. занимаетъ второе мѣсто. Масса листковъ, постоянный журналъ („Червонный штандаръ“) распространяются въ тысячахъ среди рабочаго населенія. Она же выгодно отличается отъ группы и организацій и полнѣйшимъ отсутствіемъ компромиссовъ, на которые такъ склонна организація П. П. С. Недостатокъ партіи — отсутствіе боевыхъ средствъ и кассы. Партія П. П. С. послѣ январскихъ событій вообще совершенно оскандалилась: она всѣми мѣрами хотѣла, чтобы польскій пролетаріатъ дѣйствовалъ особнякомъ, при чемъ положительно трогательно было наблюдать, какъ партія эта шла рука объ руку съ партіей N. Д. въ различныхъ вопросахъ (напр., въ компромиссахъ по части удовлетворенія требованій рабочихъ экономическаго характера или сейчасъ по части удерживанія рабочаго люда отъ забастовокъ, которыхъ и такъ много). Къ счастію, рабочій людъ понялъ, гдѣ правда и, къ великому конфузу П. П. С., зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, готовитъ каждую минуту поддержать своихъ русскихъ братьевъ. Внѣшній видъ Лодзи сейчасъ представляетъ оригинальную картину: на улицахъ всегда толпы народа (забастовки отдѣльныхъ группъ продолжаются), разъѣзжаютъ казаки, расхаживаютъ съ пѣснями солдаты, городовые на улицахъ охраняются солдатами (3—4 человѣка возлѣ каждаго городового), полиціймейстеръ окружилъ себя шпіонами и городовыми и боится носа высунуть на улицу, то же дѣлаютъ и „высшіе“ чины полиціи. Недостатки освободительной работы — отсутствіе плана и системы забастовокъ, отсутствіе денежныхъ средствъ, отсутствіе оружія.

Ченстохово. 30 апрѣля. Въ ночь съ 28 на 29 около 12 часовъ на семейные дома рабочихъ въ посадѣ „Раховъ“ (въ 3-хъ верстахъ отъ Ченстохова) обрушилась свора жандармовъ и войска. Начались обыски. Фабрику со всѣхъ сторонъ окружили войскомъ, чтобъ не пропускать работающую тамъ ночную смѣну въ посадъ. Но около 3-хъ часовъ одному рабочему удалось черезъ заборъ пробраться на заводъ. Тамъ онъ оповѣстилъ рабочихъ о происходящемъ. Часть послѣднихъ бросилась тогда къ воротамъ, но остановлена была ротой солдатъ. Потушили электричество, освѣщающее какъ фабрику, такъ и рабочіе дома. На солдатъ нашла паника. Всѣ рабочіе пробились къ своимъ домамъ. Двухъ арестованныхъ отбили. У солдатъ при этомъ отобрали три винтовки. 9 людей все таки удалось полиціи захватить, въ томъ числѣ двухъ, работающихъ въ „Ченстоховцѣ“.

Рабочіе изъ Рахова потребовали черезъ директора Мотомаскаго освобожденія арестованныхъ. Если не исполнятъ ихъ требованіе, они съ $7^{1}/_{2}$ утра объявляютъ стачку. Отвѣта не было, и они двинулись въ городъ, чтобы собственной силой освободить арестованныхъ. Шли съ пѣніемъ „Краснаго знамени“ и „Варшавянки“. По дорогѣ къ нимъ присоединялись рабочіе окрестныхъ фабрикъ, вездѣ бросая работу. Около 11 часовъ отрядъ войска (1 эскад. кавал., 2 роты пѣхоты и полиціи) пересѣкъ имъ путь. Почти полтора часа въ 20—30 шагахъ одна отъ другой стояли 2 силы, не пытаясь наступать. Между тѣмъ въ окрестности вездѣ останавливались фабрики, рабочіе присоединялись къ толпѣ. Три раза приглашали ее разойтись, три раза давали сигналъ. Войска стояли съ оружіемъ на готовѣ. Но толпа еще ближе подошла къ войску съ криками: „Не отступимъ!“ Около часа кавалеріи данъ приказъ разогнать толпу. Драгуны ринулись. Началась рѣзня. Но не всѣ даже обнажили шашки. Не хотѣли быть братоубійцами. Въ отвѣтъ на натискъ драгуновъ полетѣли камни. Нѣсколько солдатъ ранено. Драгуны бѣжали, оставивъ 2 винтовки и 3 сабли (изъ нихъ 1 винтовка и 1 сабля остались у насъ въ рукахъ, другіе затерялись). Толпа скрылась за ворота, бросая оттуда камни. Кавалерія еще разъ напала и вновь была отбита. Рабочіе преслѣдовали ее. Тогда настала очередь пѣхоты. Грянуло 3 залпа. Толпа бѣжала. Стрѣляли также городовые. Но большая часть солдатъ стрѣляла въ воздухъ или въ землю. Нѣсколько сотъ выстрѣловъ, и 2 убито, тяжело ранено двое: 13 лѣтній мальчикъ и женщина. Легко раненыхъ (все больше саблями) — 20. Убита также маленькая дѣвочка и раненъ мальчикъ за полверсты отъ мѣста стычки. Почти всѣ раненыя и убитые пали отъ *револьверныхъ пуль*. Городовые свирѣпствовали... Господствуетъ страшное возбужденіе. Женщины бѣжали по домамъ, „Впередъ, всѣ впередъ!“. „Послѣ выстрѣловъ заговоримъ!“ „Жертвы должны быть! Не побоимся ихъ!“. При извѣстіи о происшедшемъ остановились фабрики одна за другой. Рабочіе заявили, что такъ возбуждены, что не могутъ дальше работать (изъ „Czerw. Standar“).

Агитація передъ 1-мъ мая въ Польшѣ: Главное правленіе партіи распространило во 2-й половинѣ апрѣля: 1) брошюру „Рабочій праздникъ 1-го мая“; 2) особое изд. „На 1-е мая 1905 г.; 3) прокламацію „Къ дню 1-го мая“; 4) нѣмецкая прокламація „На 1-е мая“. Изъ иныхъ изданій распространены: „Съ поля битвы“ № 7; „Красное знамя“ №№ 24 и 25, брошюра: „Революціонный взрывъ въ царствѣ“, предисловіе къ 25 № „Краснаго знамени“ — „Что дальше“, „Открытое письмо“ А. Бебеля къ нѣмецкимъ рабочимъ и работницамъ королевства Польскаго и Литвы (перев. въ 25 № „Краснаго знамени“); прокламаціи главнаго правленія: „Подъ давленіемъ петли и пули“ и „Къ молодежи ко дню 1-го мая“. Майская прокламація Правленія, печатанная въ краѣ, была распространена въ 74 тыс. экз. Была она распространена въ важнѣйшихъ пунктахъ нашей работы, какъ Варшава съ окрестностями, округъ Лодзинскій, округъ Ченстоховскій, Горныя Домбровы, Люблинскій, Бѣлостокъ и округъ его, дошла до самыхъ глухихъ угловъ края, распространялись въ Сѣдлецѣ, Кѣльцахъ, Петроковѣ, Ловичѣ, Александровѣ, Влацлавскѣ, уѣздѣ Гаецкомъ, въ Плоцкѣ и т. д. (изъ „Czerw. Standar“).

Двинскъ. Недѣли двѣ тому назадъ у насъ должно было состояться общее собраніе всѣхъ нашихъ организованныхъ рабочихъ. Собралось болѣе 800 чел., но пришлось разойтись по нѣкоторымъ причинамъ. Мы позвали собраніе на завтра еще разъ и явилось чел. 400—500.

Первое мая (18 апрѣля) мы не праздновали, такъ какъ не имѣло смысла, въ виду того, что русскіе рабочіе, все равно, праздновали пасху. Мы перенесли праздникъ на понедѣльникъ 2 мая. Предложили „Бунду“ присоединиться, но онъ отказался и повелъ съ своей стороны агитацію противъ празднованія. Благодаря этому, не удалось сдѣлать забастовку всеобщей. Бастовали: Риго-Орловскія мастерскія (тамъ 1400 чел.), всѣ кожевенные заводы (800—900 ч.), спичечная фабр. Зака, фабрика гнутой мебели, Петербургско-Варшавское депо, арсеналъ, обмундировальная мастерская, бараночныя Митрофанова, Шварцъ, Штейнъ, Рафаловичъ, лѣсопильные заводы типографіи и т. д.

Не удалось снять только фабрику Натансона и то потому, что ее окружили полиціей, да и бундовцы запретили своимъ рабочимъ бросать работу.

Не бастовали также ремесленники, т. е. Бундъ.

Въ общемъ, забастовка если не была всеобщей, то, во всякомъ случаѣ, очень внушительной.

Митава. Рабочее движеніе въ Митавѣ раньше всего, конечно, [illegible] среди латышскаго пролетаріата, составляющаго тутъ почти единственный революціонный элементъ. Да хотя проле-

лаго года тутъ работала латышская группа „Кигвеше“: но послѣ объединенія латышской партіи образовался комитетъ этой партіи. Движеніе было довольно слабое до января нынѣшняго года, когда общій подъемъ отразился и на Митавѣ всеобщей забастовкой и невиданными до тѣхъ поръ въ Митавѣ грандіозными демонстраціями, на которыхъ участвовало свыше 1000 человѣкъ.

18, 19 и 20 февраля вторично была всеобщая забастовка, сопровождавшаяся демонстраціями.

Кромѣ латышскаго движенія, въ послѣднее время возникло и движеніе среди еврейскихъ подмастерьевъ и приказчиковъ, руководимое, главнымъ образомъ, мѣстной группой Бунда, образовавшейся осенью прошлаго года. Послѣдняя, вмѣстѣ съ латышскимъ комитетомъ, въ мартѣ организовала стачку портныхъ и сапожниковъ. Кромѣ того, въ послѣднее время началась и работа среди литовскихъ рабочихъ, организующихся группой „Draugas“.

Уже съ 1903 года создалась группа, работающая подъ руководствомъ Рижскаго Комитета, но выступавшая оффиціально лишь съ января этого года подъ именемъ митавской группы Р. С.-Д. Р. П. Главная дѣятельность этой группы направлена на войско (русскихъ рабочихъ тутъ только единицы); за послѣднее время группа работаетъ также среди еврейскихъ рабочихъ.

Параллельно съ рабочимъ движеніемъ, возникло также движеніе среди учащихся, руководимое отчасти латышскимъ комит., отчасти рижскимъ ком. Партіи.

Перейдемъ къ событіямъ послѣдняго времени. Въ мартѣ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ начались сильные аграрные безпорядки, въ которыхъ латышское крестьянство обнаружило довольно высокую степень сознательности. Въ Прибалтійскомъ краѣ была введена усиленная охрана и были произведены предмайскіе обыски и аресты; арестовано 9 человѣкъ въ Митавѣ.

На весну были 3 отправки войскъ на Дальній Востокъ, что каждый разъ сопровождалось распространеніемъ группой въ казармахъ и на вокзалѣ листковъ рижской военно-соц. орг. и демонстраціями, въ которыхъ принимали участіе и солдаты.

Что касается празднованія перваго мая, то оно прошло очень оживленно.

Уже нѣсколько недѣль передъ этимъ самые фантастическіе слухи волновали нашихъ почтенныхъ бюргеровъ. Они, однако, не осуществились. Въ ночь съ 29 на 30-ое были перерѣзаны всѣ телефонныя и телеграфныя проволоки и подрублены столбы вокругъ Митавы. 30-го въ 12 часовъ дня забастовали всѣ фабрики, заводы, мастерскія и лавки города. Рабочіе фабрикъ ходили толпами въ нѣсколько сотъ человѣкъ по улицамъ съ пѣніемъ и революціонными возгласами. Вестермановскія работницы подверглись нападенію казаковъ, сильно избившихъ двухъ женщинъ.

Послѣ обѣда на углу Большой и Литейной передъ казармой конвойной команды собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Развернули красныя знамена латышской, бундовской и нашей организацій и ораторъ произнесъ горячую рѣчь собравшимся передъ казармой и въ ея окнахъ солдатамъ. Посыпались листки и толпа со стройнымъ пѣніемъ двинулась по Литейной. На встрѣчу ей появился отрядъ казаковъ, проскакавшій сквозь толпу. За нимъ толпа соединилась снова и двинулась обратно по Большой, гдѣ она затѣмъ и остановилась и при развернутыхъ знаменахъ, латышскій ораторъ произнесъ рѣчь, послѣ чего толпа разсѣялась.

Привезенная вскорѣ послѣ этого якобштадт. божья матерь была встрѣчена солдатами, причемъ возвращеніе послѣднихъ въ казармы представляло интересное зрѣлище. Музыки, провожавшей ихъ, не было слышно изъ-за непрерывнаго, пронзительнаго свиста, возгласовъ и пѣнія окружавшей солдатъ толпы. Солдаты очень сочувственно относились къ толпѣ, и на возгласы „долой царя! долой войну!“, улыбались, кивая головой. Понятно, листковъ было пропасть, всѣ улицы были наводнены ими, и передъ войскомъ было развернуто красное знамя.

Но грандіозное зрѣлище представляла демонстрація 1 мая. Тысячная толпа демонстрировала на Большой улицѣ, причемъ опять взвивались красныя знамена и, какъ изъ рога изобилія, сыпались листки. Были произнесены рѣчи и тутъ же рѣшено было 2 мая не пойти на работу. Всѣ эти дни происходили многолюдныя собранія, на которыхъ говорилось о требованіяхъ 1 мая и о современномъ положеніи Россіи. Когда демонстранты, большей частью, разъѣхались, вдругъ явился отрядъ казаковъ и солдатъ, не тронувшій, однако, ни кого. Впереди этой милой процессіи шагалъ съ важнымъ видомъ приставъ Грубе, исполняющій также роль шпіона.

Казаки и солдаты успѣли уже завернуть за уголъ, какъ вдругъ показался самъ господинъ Курляндскій губернаторъ. Какъ только показалась его жалкая фигура, со всѣхъ сторонъ раздались свистки и крики: долой губернатора! долой краснаго пѣтуха! Толпа изъ 30—40 подростковъ неслась за нимъ какъ за юродивымъ, крича ему въ ухо ласкательныя словечки. Зеленый отъ гнѣва, онъ, какъ бѣшеная собака, набрасывался на нихъ — но — никого не было; шли только молодые люди, чинно, по два. Тогда, выйдя изъ себя, онъ съ пѣной у рта позвалъ своего кучера и послалъ его за казаками. Тѣ моментально набросились на хохотавшую до слезъ надъ этой уморительной картинкой публику, причемъ сильно избили 16-лѣтняго мальчика и старика.

Въ ночь съ 1-го на 2-ое убиты 3 шпіона. Одинъ изъ нихъ — бывшій околоточный Ангеръ, племянникъ бывшаго директора реальнаго училища — Кухьберга.

Второй — извѣстный провокаторъ — Румба.

2-го и 3-го на улицѣ было арестовано около 20 человѣкъ рабочихъ и интеллигентовъ. Аресты продолжаются, арестовываютъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ. Въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ свыше 40 полит.

Группой Р. С.-Д. Р. П. за эти дни распространено по городу, въ училищахъ, на демонстраціяхъ и въ казармахъ около 4,000 прокламацій. Изъ нихъ 1,200 экз. — Изд. Ц. К. — Первое мая; 600 латышскихъ изд. Б. К. Б.; 600 русскихъ Первое Мая — то же изданіе, 1000 экз. Р. Военно.-соц. орг. „Въ казармѣ“ и „къ солдатамъ“. Кромѣ того распространены свыше 300 нѣмецкихъ и жаргонныхъ прокламацій — гектографированныхъ, — изданіе группы. Не смотря на такое громадное количество ни одна прокламація не попала въ руки полиціи и ощущался еще недостатокъ въ нихъ...

Ярославль. 2 мая. Никогда въ жизни не забуду вчерашняго дня. Много подобныхъ описаній приходится читать, какъ напр. о Курскихъ событіяхъ, но когда переживаешь лично подобные ужасы, тогда только все это становится отчетливымъ, а потому еще болѣе ужаснымъ. Въ теченіе всего вчерашняго дня казаки и войска ожидали демонстрацію, а такъ какъ ея не было, то нужно же было показать свою удаль хоть гдѣ нибудь. Здѣшняя рабочая организація рѣшила не устраивать демонстраціи, такъ какъ силъ у насъ еще очень мало, устроили только митингъ за городомъ, который прекрасно удался. Въ это время въ городѣ семинаристы, ученики [illegible] училища и нѣсколько студентовъ устроили прогулку по Волгѣ. Получилась слѣдующая картина: около 30 лодокъ по серединѣ рѣки, съ пѣніемъ Марсельезы и Варшавянки, криками „долой“ и [illegible], а на берегу нѣсколько тысячъ гуляющей толпы, до которой доходило каждое слово изъ лодокъ. Послали нѣсколько [illegible] пароходовъ, которые [illegible] на лодки и заставили повернуть къ берегу, причемъ одна лодка опрокинулась и трое мальчиковъ упало въ воду, но были вытащены. Потомъ все было спокойно. всѣ повернули на бульваръ и продолжали прогулку. И вдругъ случилось слѣдующее: съ [illegible] налетѣли казаки на бульваръ и начинаютъ бить нагайками всѣхъ, кто тамъ находился. „Черная сотня“ принимала дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Убѣжать было некуда, такъ какъ бульваръ былъ со всѣхъ сторонъ плотно окруженъ казаками; ворота домовъ и магазины поспѣшно закрывались и такъ, кто хотѣлъ скрыться, моментально выталкивали обратно на улицу. Я лично какимъ то чудомъ получилъ только одинъ ударъ нагайки по плечу, такъ какъ успѣлъ скрыться въ садовую будку и оттуда убѣжалъ черезъ заборъ. Я не хочу описывать всѣхъ ужасовъ, которые такъ происходили и раздирающихъ душу сценъ, такъ какъ не хочу всего этого переживать вторично. Впрочемъ, повторилось здѣсь тоже самое, что всюду теперь творится при подобныхъ обстоятельствахъ. Между прочимъ, одинъ студентъ ѣхалъ на велосипедѣ и, попавъ въ этотъ адъ, упалъ съ велосипеда. На него набросилось трое казаковъ и избили нагайками.

Не знаю еще, сколько жертвъ, во всякомъ случаѣ, на мѣстѣ убитыхъ не было. Паника была такая, что послѣ нѣсколькихъ часовъ можно было видѣть убѣгающихъ людей, даже въ маленькихъ переулкахъ, довольно отдаленныхъ отъ мѣста происшествія.

А сегодня никто въ лодку не выходитъ. На бульварѣ было тогда самое большее 50 учениковъ, такъ какъ не всѣ, участвовавшіе въ катанья на лодкѣ, пошли гулять, а казаковъ было, по меньшей мѣрѣ, втрое больше.

Казань. 18/IV. Сегодня была маевка — около 200 человѣкъ, преимущественно учащіеся, низшаго техническаго училища, гимназіи и пр. Рабочихъ было около 50 Алафузовскихъ и около 30 городскихъ: еще боятся. Кромѣ того, все время съ утра шелъ дождь, и было очень холодно, и мѣсто въ двухъ верстахъ отъ ближайшаго жилья. Говорились соотвѣтствующія рѣчи. Предложили устроить демонстрацію въ городѣ, пройти со знаменами, но такъ какъ было слишкомъ мало народу, а затѣмъ пришлось бы идти черезъ всю слободу и узкую дамбу, съ обѣихъ сторонъ которой вода, то комитетскіе протестовали, да и раньше ими было рѣшено не дѣлать демонстраціи. Однако толпа пошла цѣликомъ по ж. д. дамбѣ къ городу безъ знаменъ и безъ пѣнія. Дорогой по слободѣ и по дамбѣ (соединяющей Адмиралтейскую слободу съ городомъ) — всего около часу пути — раздавали прохожимъ листки: мѣстный майскій и „первый шагъ“. Брали всѣ охотно, много брали запасные, которыхъ много. Только одинъ запасный не взялъ и ругался. Въ городѣ были встрѣчены немногими казаками и полицейместеромъ, который предложилъ разойтись, что и было сдѣлано. Задержаны двое; почему — не выяснено. Одно изъ нихъ отпущено, а другой неизвѣстно. Всего дорогой роздали листковъ около 1000. Распространено пока около 4000 мѣстнаго майскаго листка.

Харьковъ. Какъ радостно и хорошо живется теперь здѣсь. Работа, таившаяся до сихъ поръ въ подпольяхъ, начинаетъ выбиваться наружу, размахъ ея и воспитательное значеніе ростутъ и одна только тяжелая мысль отравляетъ тѣ радостныя минуты которыя выпадаютъ намъ на долю: удержаться бы намъ до второго мая, а потомъ не жалко будетъ и жизнь отдать. Между тѣмъ, провалъ кажется неминуемъ и если онъ вырветъ всѣхъ нашихъ, быть можетъ, тогда потраченныя силы не создадутъ ко второму мая ничего. Это не значитъ, конечно, что вся развитая энергія пропадетъ, потеряется. Нѣтъ, харьковскіе рабочіе ростутъ съ каждымъ днемъ, революціонизируются, но сила и сознательность не настолько велики, чтобы они сами провели майскую кампанію, придали ей единство. Стачка второго мая, навѣрно, вспыхнетъ, но если предмайская чистка вырветъ многихъ лучшихъ работниковъ, она пойдетъ въ разбродъ. Комитетъ развилъ за послѣднее время широкую организацію. Несмотря на страшныя полицейскія условія, удалось собрать 7 массовокъ, на которыхъ перебывало до 600 человѣкъ. Бывали на нашихъ массовкахъ и казаки и солдаты.

Я остановлюсь только на послѣдней массовкѣ. Она состоялась въ понедѣльникъ на кладбищѣ. Въ этотъ день поминанія усопшихъ туда собирается много народу и заводской районъ рѣшилъ использовать это.

Къ 3 часамъ начали собираться туда рабочіе. Сначала никакъ не удавалось сбиться въ кучу. Полиція и казаки разгоняли всѣ „сборища“. Тогда рабочіе начали играть въ кошки и мышки. Эта невинная игра усыпила бдительность церберовъ и когда былъ данъ сигналъ собраться, рабочіе сразу сбились въ толпу въ 300—350 человѣкъ. Изъ толпы поднялся нашъ ораторъ и началась на виду у полиціи и казаковъ массовка. Когда ораторъ кончилъ, крики: „Долой самодержавіе“ огласили воздухъ, затѣмъ начали пѣть и странно грозной казалась пѣснь жизни „Марсельеза“, въ этомъ царствѣ смерти. Долго еще пѣли рабочіе, но показавшійся попъ прервалъ пѣніе. Кто то втащилъ его въ толпу и заставилъ служить панихиду по убитымъ 9 января въ Питерѣ. Дрожащимъ голосомъ, оглядываясь, то на небо, то на кладбищенскія ворота и ожидая оттуда казацкой помощи провозглашалъ попъ вѣчную память по „невинно убіеннымъ“. Дружный хоръ рабочихъ спѣлъ затѣмъ „Вѣчная память“ и „Замученъ тяжелой неволей“. Когда одинъ рабочій попросилъ попа провозгласить проклятіе и анафему убійцамъ, лицо его перекосилось и онъ подобравъ рясу пустился утекать. И откуда только взялась у него такая прыть!

Здѣсь были распространены наши листки. Къ концу раздались револьверные выстрѣлы; возбужденные рабочіе расходились говоря другъ другу: до свиданія, до второго мая. Къ 6 часамъ туда во весь опоръ примчались казаки, но имъ осталось только считать могилки.

Кромѣ массовокъ, такъ сказать, нелегальныхъ здѣсь существуютъ собранія въ столовой паровозо-строительнаго завода. Каждый день туда послѣ работы стекаются сотни рабочихъ и выслушиваютъ нашихъ ораторовъ. Темы рѣчей разнообразныя: Учредительное Собраніе, отношенія соціальдемократовъ къ крестьянству, къ либераламъ, необходимость организоваться въ самостоятельную политическую партію, погромы, война.

Во вторникъ 25 апрѣля состоялось первое собраніе послѣ пасхальнаго перерыва. Было 250 человѣкъ. Въ среду уже собралось больше 1000 человѣкъ, причемъ приходили рабочіе изъ другихъ заводовъ, работницы, жены рабочихъ съ дѣтьми. Представьте себѣ громадное зданіе, набитое сплошь людьми. Въ окнахъ, на дворѣ головы рабочихъ и всѣ рвутся впередъ, всѣ желаютъ услышать свѣжее, неподдѣльное слово. Вотъ выходитъ нашъ первый ораторъ. (Одинъ нашъ ораторъ постоянно открываетъ и закрываетъ засѣданія). Онъ привѣтствуетъ присутствующихъ женщинъ. Онъ говоритъ о роли русской женщины въ русскомъ революціонномъ движеніи, о ея забитости и приглашаетъ рабочихъ отказаться отъ старыхъ предубѣжденій, признать въ женщинѣ товарища—сестру. Затѣмъ онъ говоритъ о жертвахъ павшихъ 18 апрѣля въ Варшавѣ, въ Калишѣ и др. городахъ и собраніе принимаетъ двѣ предложенныя имъ резолюціи: [illegible] и [illegible] рабочимъ и пролетаріямъ всего міра. (Обѣ эти резолюціи рѣшено послать въ соціальдемократическую газету „Искру“, [illegible]). Затѣмъ товарищъ говоритъ о значеніи 1 мая, о [illegible] и когда онъ сравниваетъ рабочее движеніе съ [illegible] солнцемъ, [illegible] всѣ рабочіе въ горячемъ [illegible] вмѣстѣ съ нимъ: да здравствуетъ Россійская Соціальдемократія! да здравствуетъ международная Соціальдемократія! вырывается изъ ихъ грудей. Далѣе говоритъ одинъ соц.-дем. изъ группы „Впередъ“ [illegible], а затѣмъ снова [illegible] нашихъ ораторовъ. Одинъ изъ нихъ производитъ сильное впечатлѣніе.

Затѣмъ первый ораторъ снова произноситъ короткую рѣчь и закрываетъ собраніе „до завтра“. Выступаютъ только соціальдемократическіе ораторы. Комитетъ пользуется безраздѣльнымъ вліяніемъ и рабочіе обращаются къ нему по всякому поводу. [illegible]

Здѣсь были по просьбѣ рабочихъ дебаты съ с.-рами. Противники наши были страшно слабы, [illegible] оружіемъ и намъ не трудно было не только отбить наступленіе, но и нанести имъ жестокое поражение. Всѣ почти присутствовавшіе рабочіе (и это были самые лучшіе) присоединяются къ намъ.

Въ понедѣльникъ была сходка учащихся (70 человѣкъ) въ университетскомъ саду, на которой говорилось о формахъ протеста противъ увольненія двухъ товарищей. Полиція пришла послѣ того какъ всѣ разошлись.

Харьковъ. Рабочіе Паровозо-Строительнаго Завода въ количествѣ 850 человѣкъ приняли слѣдующую резолюцію:

Собравшись впервые послѣ 1-го мая, мы шлемъ свой братскій привѣтъ рабочимъ всего міра, мы вмѣстѣ съ ними провозглашаемъ:

Да здравствуетъ 8-ми часовый рабочій день!

Да здравствуетъ международный миръ!

Да здравствуетъ соціализмъ!

Мы заявляемъ, что рука объ руку со всѣмъ международнымъ пролетаріатомъ мы будемъ бороться противъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи до полной побѣды.

Мы просимъ Соціаль-демократическую газету „Искру“ довести до свѣдѣнія эту нашу резолюцію.

Харьковъ. Здѣсь состоялось новое собраніе въ столовой паровозо-строительнаго завода (600 чел.). Губернаторъ заявилъ, что, въ виду присутствія постороннихъ лицъ (евреевъ и присяжныхъ повѣренныхъ), онъ принужденъ будетъ закрыть столовую. Рабочіе рѣшили протестовать противъ закрытія столовой и настаивать на невмѣшательствѣ. Выступало много рабочихъ и 2 нашихъ оратора. Собраніе прошло оживленно.

Юзовка. Поселокъ взволнованъ, особенно еврейское населеніе. Всѣ готовятся къ погрому, запасаются оружіемъ, устраиваютъ самооборону. Къ сожалѣнію, еврейская буржуазія здѣсь чрезвычайно труслива и предпочитаетъ вмѣсто помощи мѣстнымъ организаціямъ, даже сіонистскимъ, входить въ сдѣлки съ полиціей, подкупать ее и военныя власти деньгами, угощеніемъ и т. д. Все же покупаютъ для своей молодежи и оружіе. Мы тоже понемногу имъ запасаемся, но особыхъ средствъ на это нѣтъ... Мобилизуемъ свои силы на случай погрома. Мѣстные сіонисты и поалей-ціонъ пока отъ соглашеній съ нами почему-то уклоняются. Должно быть, они не особенно довѣряютъ русскимъ и другимъ пролетаріямъ соціальдемократамъ. Все же это не мѣшаетъ имъ писать на своихъ прокламаціяхъ „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“!

Резолюція Юзовской Гр. Донецкаго Комитета

18 апрѣля въ Юзовкѣ состоялась сходка организованныхъ рабочихъ и работницъ въ количествѣ до 100 человѣкъ. Были произнесены рѣчи о первомъ маѣ, о подготовкѣ къ всероссійскому возстанію и вооруженіи рабочихъ, о политической борьбѣ и т. п. Рѣчи заканчивались бурными и восторженными возгласами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Собраніе продолжалось около 5 часовъ. Настроеніе было торжественное. Произведенъ первый сборъ на вооруженіе. Послѣ рѣчей была принята слѣдующая резолюція:

„Въ день 1-го мая, въ 16-ую годовщину великаго пролетарскаго праздника, мы, юзовскіе рабочіе, и работницы, посылаемъ свой братскій привѣтъ пролетаріямъ всего міра! — Пусть ростутъ сплоченность и единеніе пролетарской семьи: они приведутъ насъ къ нашей завѣтной цѣли — соціализму — и освободятъ пролетаріатъ, а съ нимъ и всѣхъ угнетенныхъ, отъ цѣпей рабства, безправія и насилія. Въ этотъ великій день на знаменахъ рабочихъ батальоновъ всѣхъ странъ красуются международные пролетарскіе лозунги:

„Да здравствуетъ восьми-часовой рабочій день!“

„Да здравствуетъ законодательная охрана труда!“

„Долой постоянныя арміи!“

„Да здравствуетъ народное ополченіе!“

Мы, россійскіе рабочіе, присоединяемъ къ нимъ и наши требованія, которыя диктуются намъ настоящимъ политическимъ моментомъ и которыя неразрывно связаны съ интересами пролетаріата всѣхъ странъ:

„Долой войну!“ „Долой самодержавіе! Долой царя-убійцу и его опричниковъ!“ „Да здравствуетъ учредительное собраніе, выбранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ!“ „Да здравствуетъ демократическая республика!“

Мы пролили уже достаточно крови въ борьбѣ за свободу рабочаго класса, за освобожденіе всей Россіи!

Мы заявляемъ, что мы готовимся съ оружіемъ въ рукахъ вступить въ послѣднюю схватку съ самодержавіемъ и всѣми тѣми, кто будетъ стоять на пути къ осуществленію этихъ требованій.

Мы увѣрены, что пролетаріи всего міра придутъ намъ, какъ и раньше, на помощь, чтобы освободить Россію отъ гнуснаго чудовища, чтобы освободить весь міръ отъ международнаго жандарма — царскаго самодержавія!

Мы призываемъ всѣхъ тѣхъ, кому дорого освобожденіе Россіи отъ произвола и насилія, примкнуть къ намъ въ этой борьбѣ!

Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ всероссійское возстаніе! Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія! Да здравствуетъ международная Соціальдемократія!“

Юзовская Гр. Донецкаго Ком. Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи.

19 апрѣля 1905 г.

Бахмутъ, 2 мая. Дѣла у насъ идутъ хорошо, хотя людей и литературы, по обыкновенію, не хватаетъ. Функціонируютъ кружки. За послѣдніе полмѣсяца были распространены Бахмутской группой прокламаціи въ самомъ Бахмутѣ: „Ко всѣмъ гражданамъ“ 300, Первое мая 800, Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Донецкаго района 600. Бахмутской же группой были распространены листки: Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Донецкаго района, въ Краматоровкѣ 400, въ Попасной 800, въ Горловкѣ—300 и 100 „Первое мая“. Кромѣ того, были 4 массовки по 100—190 человѣкъ на каждой. 1 мая никто не работалъ. Всѣ заводы и мастерскія стояли (въ обычное время по воскресеньямъ работаютъ, такъ какъ большинство рабочихъ и работницъ евреи). Подъ первое мая казаки ѣздили всю ночь по городу и его окрестностямъ, надѣясь найти сходку. Съ этой же цѣлью были обыски въ квартирахъ, но тщетно. Казаки напали на кучку обывателей, которые выѣхали встрѣчать въ степи первое мая и, думая, что они напали на сходку, жестоко всѣхъ избили и въ заключеніе арестовали. Потомъ, конечно, дѣло выяснилось, и наша сходка прошла прекрасно. Продолжалась часа три.

Въ нашемъ городѣ сейчасъ идетъ стачка [illegible] — 38 человѣкъ. Требованія чисто экономическія. Думаемъ, что стачка будетъ успѣшна, такъ какъ есть матеріальныя средства и могутъ продержаться довольно долго, что очень важно. Въ окрестностяхъ на заводахъ и рудникахъ тоже стачки. На одномъ рудникѣ приняла буйный характеръ — разгромили машины и т. п. Результаты пока неизвѣстны. Въ Константиновкѣ забастовалъ самый большой заводъ. — Результаты пока неизвѣстны и, вообще, положеніе [illegible]. [illegible] Здѣсь все населеніе находится въ страхѣ отъ ожиданія погрома. Приставъ въ одномъ частномъ разговорѣ прямо заявилъ, что если „демократы“ устроятъ демонстрацію, то полиція устроитъ погромъ. [illegible] 10,000 [illegible] 18 февраля. [illegible]

училось въ высшей степени благопріятное. Всѣ деньги, которыя шли раньше въ руки полиціи, теперь идутъ въ организацію. Вообще мнѣніе о „демократахъ" совершенно измѣнилось.

Вооруженіе членовъ нашей организаціи идетъ довольно успѣшно.

Екатеринославъ. Первое мая прошло здѣсь почти спокойно. Былъ назначенъ митингъ, но явились только организованные рабочіе; при такомъ составѣ устраивать что нибудь не было ни возможности, ни смысла. Причина неудачи перваго мая много: техника пострадала, т. к. за нѣсколько дней была взята типографія, листки были распространены лишь наканунѣ, затѣмъ о мѣстѣ извѣстить тоже не удалось, самое же главное, конечно, это то, что въ массахъ еще не созрѣло боевое настроеніе. Послѣ перваго мая у нѣкоторыхъ организованныхъ рабочихъ явился упадокъ духа, уныніе, но это, надо надѣяться, лишь временно, въ общемъ же, послѣ этого дня замѣчается стремленіе организоваться, войти въ кружки и прочее, уже послѣ перваго мая образовалось нѣсколько кружковъ. Провалы передъ первымъ мая были страшные: изъ городского района, напр., нѣсколькихъ взяли на улицѣ, другихъ на собраніи, пока еще не освободили. Вечеромъ перваго мая на улицѣ собрались кучки рабочихъ, ихъ стали разгонять, въ это время изъ этой кучки раздался выстрѣлъ, ранили пристава; говорятъ, онъ на другой день умеръ. Изъ этой кучки арестовали нѣсколько человѣкъ рабочихъ, повели въ участокъ, гдѣ избили самымъ ужаснымъ образомъ, особенно досталось стрѣлявшему въ пристава, ходятъ темные слухи, что его до смерти избили. Броженіе на заводахъ не останавливается. Второго мая рабочіе гвоздильнаго завода бросили работу, заявивъ, что они празднуютъ первое мая. На остальныхъ заводахъ тоже идетъ броженіе, рабочихъ разсчитываютъ за неблагонадежность, напр., въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на дняхъ разсчитали опять лучшихъ рабочихъ. Все время идетъ разговоръ о стачкѣ, но пока, вѣроятно, она не состоится. Подняли вопросъ о вооруженіи, это было здѣсь поставлено не плохо, рабочіе сами собирали деньги; но все это капля въ морѣ. Въ самое послѣднее время появилось среди рабочихъ стремленіе къ объединенію большевиковъ и меньшевиковъ. Во что и какъ выльется это объединительное теченіе, пока сказать трудно, оно только начинается, мы рѣшили пойти на встрѣчу. За недѣлю до перваго мая на гвоздильномъ заводѣ вспыхнула очень давно ожидавшаяся стачка. На заводѣ вывѣсили объявленіе о томъ, что впредь работы будутъ кончаться не за 10 минутъ до гудка, какъ объявлено, а за 5 минутъ, такимъ образомъ 5 минутъ у васъ урвали. Это было вечеромъ. На другой день рабочіе бросили работу, потребовали къ себѣ для переговоровъ директора; такъ было до обѣда; вдругъ во время обѣда объявленіе было сорвано и отнятыя 5 минутъ остались за рабочими.

Ростовъ на Дону. Первое мая у насъ прошло слабо: цѣлый день почти не видно было народу, и только вечеромъ стали наполняться улицы публикой въ особенности городской садъ и Садовая. Полиціи тоже цѣлый день не видно было: своего рода ловушка; околодочные надзиратели въ полномъ боевомъ порядкѣ скрывались по кондитерскимъ и кофейнямъ — и оттуда наблюдали. Вечеромъ Садовая преобразилась: начиная отъ Николаевскаго переулка и кончая Таганрогскимъ проспектомъ былъ усиленъ нарядъ полиціи, въ саду также. А въ городскомъ домѣ сотня казаковъ спрятана. Донской Комитетъ полагалъ днемъ устроить рядъ *митинговъ*, только при условіи: если не будетъ явнаго намѣренія со стороны полиціи прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Предполагалось выставить своихъ ораторовъ, въ томъ случаѣ, если будетъ много народу и пользуясь отсутствіемъ полиціи, устроить хоть на нѣсколько минутъ митингъ. Но въ виду того, что днемъ публики не было, то вопросъ, такимъ образомъ, снялся съ очереди. Вечеромъ же въ саду, рабочіе, видя, что публика начинаетъ расходиться, сами рѣшили хоть пропѣть Марсельезу. Собравшись въ толпѣ гуляющихъ мирно по аллеѣ въ концѣ сада (такъ называемая рабочая аллея), они запѣли. Два куплета пропѣли, а публика стала разбѣгаться, полиція приближаться — и въ мигъ вѣсть о рев. пѣніи разнеслась по всему саду, Садовой и т. д. Кто-то крикнулъ „бунтъ" — и всѣ начали бѣжать. Не прошло двухъ минутъ, казаки прилетѣли по Садовой, но уже ничего нѣтъ, только расходящаяся публика изъ сада на улицу и наоборотъ. Въ это время съ одной дѣвушкой сдѣлалась истерика. Это привлекло снова массу народу. Пришлось отнести ее на рукахъ въ аптеку. Ни казаки, ни полиція ничего не дѣлали, казаки повернули обратно, полиція стала просить расходиться. Полиція была хорошо организована, потому что въ теченіе двухъ минутъ всѣ были на мѣстахъ: полиціймейстеръ съ своимъ ординарцемъ, сотенный командиръ, жандармы, околодочные городовые, шпики.

На второе мая назначена была политическая забастовка. Пекари забастовали и продолжаютъ по сегодня бастовать, предъявивъ свои требованія; приказчики съ утра стали закрывать магазины, но подоспѣвшая полиція арестовала человѣкъ 30 и велѣла хозяевамъ открыть магазины. Съ субботы бастуютъ у насъ портовые рабочіе, судовыя команды, предъявивъ рядъ требованій: увеличеніе команды, пять коп. съ четверти и проч. Замѣчалась на фабрикахъ и заводахъ частичная забастовка, а также по конторамъ. Въ Нахичевани тоже самое. До перваго мая былъ цѣлый рядъ сходокъ, на которыхъ разъяснялось празднество перваго мая — политическая забастовка второго мая. Неудача перваго мая объясняется, во-первыхъ, запоздалой агитаціей и подготовкой къ первому мая; во-вторыхъ, Д. К. не рѣшался *во чтобы то ни стало* отстоять митингъ вооруженно, а приводить массу на явное избіеніе и разстрѣлы онъ не имѣлъ никакого права. Вооруженно же итти у насъ нѣтъ силъ. Теперь по кружкамъ, по массовкамъ, — всюду говорится, чтобы всѣ вооружались. У насъ имѣется небольшое количество оружія, но, конечно, слишкомъ мало.

Кіевъ. У насъ работа до 1 мая шла усиленнымъ темпомъ, массовки были по 3-4 въ день, устраивали митинги передъ заводами: Южно-русскимъ, Гретера, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и типографіей Яковлева. Болѣе удачными митинги были передъ Южно-русскимъ Гретера, типографіей Яковлева. Передъ желѣзнодорожными мастерскими митингъ былъ не особенно удачнымъ. Приходилось останавливающимъ рабочимъ имѣть револьверы въ рукахъ; объясняется это тѣмъ, что тамъ работаютъ старики, которые почти закабалены у своего начальства: имъ даютъ землю на выплату на [illegible] срокъ, на 10-19 лѣтъ, и стоитъ рабочему повысить свой тонъ передъ своимъ начальствомъ, какъ его выбрасываютъ и онъ теряетъ вмѣстѣ съ этимъ свой клочекъ земли; вотъ одна изъ причинъ, почему они боятся послушать живое слово.

Гомель. (Сообщеніе Полѣсскаго Комитета).

Въ четвергъ 14-го апрѣля былъ объединенный митингъ нашей группы и бундовцевъ. Происходилъ онъ за широкой [illegible] по ряду. Начался митингъ въ 9-ти часовъ, когда уже [illegible] [illegible]

Въ [illegible]

[illegible]

пролетарская массовка въ 120 чел. и одна интеллигентская въ 30 чел.; вторая пролетарская массовка, которую предполагалось устроить, не состоялась по „независящимъ обстоятельствамъ".

Цѣлый рядъ забастовокъ среди пекарей, у Высоцкаго и въ различныхъ отрасляхъ ремесленнаго производства внесли извѣстное возбужденіе въ среду одесскаго пролетаріата. Въ воскресеніе 1 мая на засѣданіи организаціи уже высказывались мнѣнія, что у насъ въ Одессѣ можетъ вспыхнуть всеобщая забастовка. Рѣшено было на всякій случай заготовить листокъ. Съ понедѣльника, дѣйствительно, стачечное движеніе распространилось какъ на Пересыпскій такъ и на Дальницкій районъ. Забастовали фабрика Вальтуха, заводъ Гена, свѣчный заводъ, клеевой заводъ, заводъ Шполянскаго и т. д. группа старается всячески использовать эту забастовку для упроченія своихъ связей среди рабочей массы и ведетъ и с. свою агитацію среди забастовщиковъ. Въ городскомъ районѣ дѣла идутъ наиболѣе успѣшно. Здѣсь повсюду члены организаціи принимали самое дѣятельное участіе въ самой организаціи забастовки, въ выработкѣ требованій и т. д., такъ какъ здѣсь въ каждомъ ремеслѣ есть организованное ядро изъ передовыхъ пролетаріевъ. Въ Пересыпскомъ районѣ есть связи лишь съ отдѣльными рабочими (правда эти связи имѣются почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ) поэтому участіе организаціи не можетъ быть такимъ, какъ это возможно было бы при существованіи организованныхъ группъ передовыхъ рабочихъ на каждомъ заводѣ и фабрикѣ. Во вторникъ два агитатора группы проникли на заводъ земледѣльческихъ орудій Гена (до 600 ч.) Было человѣкъ 300—400 рабочихъ. Наши товарищи говорили около двухъ часовъ о значеніи стачки и о различныхъ требованіяхъ нашей программы минимумъ. Полиція окружила заводъ, но сами рабочіе благополучно вывели товарищей. Въ пятницу снова было на заводѣ Гена собраніе, куда явились также и рабочіе съ Дальника, работающіе на заводѣ того же Гена (у него два завода: на Пересыпи и Дальникѣ. Вырабатывались окончательныя требованія: 8-ми час. рабочій день, минимумъ заработной платы въ два рубля для обученныхъ и полтора для чернорабочихъ, обезпеченіе врачебной помощью рабочихъ, пособіе въ случаѣ смерти рабочаго, свобода собраній въ помѣщеніи завода и разныя другія мелкія требованія.

Предсѣдателемъ собранія былъ „независимый" Алексѣевъ. Много споровъ вызвалъ вопросъ о нормѣ заработной платы, иные были противъ такой, а нѣкоторые стояли за норму въ полтора рубля. Одному товарищу пришлось долго растолковывать, что значитъ норма заработной платы и почему необходима норма въ 2 руб. Подавляющее большинство рабочихъ внимательно слушало товарищей. Когда появились управляющіе и мастера, рабочіе потребовали, чтобы они ушли и не стѣсняли свободу преній и тѣ вынуждены были удалиться. Потомъ приходили отъ управляющаго съ требованіемъ, чтобы рабочіе ушли съ завода, но рабочіе заявили, что не удалятся, пока не сформулируютъ своихъ требованій. Въ концѣ собранія Алексѣевъ прочелъ протоколы засѣданія харьковскаго рабочаго общества взаимопомощи и предложилъ присоединиться къ его требованіямъ разныхъ политическихъ свободъ вплоть до участія въ законодательствѣ выборныхъ отъ населенія.

Одинъ товарищъ взялъ слово и произнесъ небольшую политическую рѣчь и предложилъ присоединиться къ манифесту большинства выборщиковъ въ коммиссію Шидловскаго. Къ сожалѣнію, товарищъ не постарался подробно развить и обосновать понятнымъ для рабочихъ образомъ всѣ политическіе лозунги. Когда онъ предложилъ потребовать прекращенія войны, послышались протесты со стороны рабочихъ, заявлявшихъ, что они пришли сюда не для того чтобы говорить о Манджуріи. Характерно, что протестанты были *исключительно* изъ рабочихъ, стоявшихъ за меньшую норму заработной платы. Оратору пришлось прервать свою рѣчь, такъ какъ протестанты стали демонстративно удаляться и собраніе могло оказаться сорваннымъ, а всѣмъ рабочимъ необходимо было еще уполномочить своихъ выборныхъ предъявить требованія фабрикантамъ и условиться когда собраться. Алексѣевъ самъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы успокоить часть публики и ему дѣйствительно удалось вернуть рабочихъ, собравшихся уйти, обратно. Въ заключеніи они заявили, что всѣ рабочіе должны позаботиться о томъ, чтобы никто изъ говорившихъ не пострадалъ, такъ какъ всѣ ораторы говорили по своему убѣжденію и только руководствовались желаніемъ дать наилучшій совѣтъ рабочему люду. Рабочіе вмѣстѣ съ товарищами вышли гурьбой Никто не пострадалъ. Въ тотъ же день состоялись на Пересыпи двѣ массовки по 50 чел. изъ числа рабочихъ другихъ забастовавшихъ заводовъ. Сошли удачно. Товарищи говорили о программѣ минимумъ партіи.

Въ городскомъ районѣ (между прочимъ) состоялась одна массовка чел. 50 исключительно изъ типографскихъ рабочихъ. Массовка устроена была нашими, квартиру дали бундовцы. Говорили нашъ товарищъ и товарищъ изъ бунда. Нашему товарищу пришлось выступить противъ предложенія тов. изъ бунда, совѣтовавшаго типографамъ евреямъ примкнуть къ „всеобщему еврейскому рабочему союзу". Онъ указалъ на необходимость и евреямъ и русскимъ организоваться сообща; сочувствіе, которое оказали рабочіе нашему товарищу побудило бундовцевъ заявить, что они удаляются съ собранія. Вообще практика работы бунда ясно показываетъ, что его дѣятельность здѣсь въ Одессѣ, гдѣ часто русскіе и евреи работаютъ на однихъ и тѣхъ же фабрикахъ и заводахъ, является далеко не всегда прогрессивной; пропаганда особой еврейской соц.-дем. организаціи вноситъ расколъ среди рабочихъ, у которыхъ одни и тѣ же интересы и которые сплочены самыми условіями труда.

Мелитополь. Крымскій Союзъ рѣшилъ праздновать 1-ое мая по нов. стилю. Такимъ образомъ 18-го апр., въ понедѣльникъ, всѣ организованные рабочіе нашего города бастовали... Демонстрацію рѣшено было не устраивать.. Вмѣсто этого мы организовали за городомъ собраніе въ 250 человѣкъ. Прекрасная погода благопріятствовала намъ и уже съ 9-ти часовъ утра рабочіе стали собираться... На высокихъ красныхъ шестахъ развѣвались огромныя знамена... Надписи, исполненныя товарищемъ-художникомъ, выражали всѣ наши первомайскія требованія, перечисленныя въ майскомъ листкѣ „Искры". Когда собрались всѣ рабочіе, начались рѣчи... Одинъ товарищъ говорилъ (хотя и не особенно удачно) о современномъ моментѣ; другой — о международной солидарности и 1-омъ маѣ... Послѣдняя рѣчь произвела на рабочихъ очень сильное впечатлѣніе... Въ промежуткѣ между рѣчами пѣлись революціонныя пѣсни... Въ рѣчахъ, [illegible]

[illegible]

бовала выдачи преступника, грозя въ противномъ случаѣ разгромить участокъ., Такъ простояла раздраженная масса народа часовъ до 12-ти ночи, когда, наконецъ, полиціи удалось разогнать... Все это событіе и роль полиціи въ немъ было описано и должнымъ образомъ освѣщено въ немедленно выпущенной прокламаціи мѣстной организаціи... Къ вечеру 18-го когда никто не предполагалъ возможности погрома, и самооборона, бывшая вся на маевкѣ, мирно отдыхала по домамъ, кучка хулигановъ—подростковъ бросилась на городъ... Разбивая по дорогѣ въ домахъ окна, они устремились на кондитерскую и аптеку (остальные магазины были закрыты по случаю Пасхи), пытаясь разгромить и ту и другую. Но тутъ они уже встрѣтили энергичный отпоръ со стороны самообороны и отдѣльныхъ лицъ изъ „общества"... Тогда они направились въ разныя стороны, обративъ все вниманіе на поджоги... Если бы въ самооборонѣ, организованной нами еще мѣсяцъ тому назадъ, было больше дисциплины, поджоги и вообще погромъ былъ бы невозможенъ. Теперь же результаты хозяйничанья, хотя и недолгаго, хулигановъ слишкомъ замѣтны и чувствительны. Сожжены 2 городскихъ торговыхъ ряда и около десяти мѣстныхъ лавокъ — Больше всего пострадали, конечно, евреи, затѣмъ русскіе, караимы... Попытки хулигановъ громить бѣдныя квартиры были отбиты самообороной. Не стану описывать всѣхъ безконечныхъ нравственныхъ страданій пережитыхъ за ночь съ 18-го на 19-е Скажу только, что 19-го прибытіе войскъ нѣсколько переполошило хулигановъ и удержало ихъ отъ новыхъ поджоговъ. Въ результатѣ столкновеній 18-го вечеромъ ранен. около 50-ти человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 15 изъ самообороны; остальные изъ „Русскаго Кулака". (Такъ подписанъ хулиганскій „листокъ"). Изъ нашихъ товарищей 2-ое ранены тяжело (одинъ еврей, другой — русскій) оба отвезены въ Харьковъ, въ клинику... Теперь въ городѣ масса войска, губернаторъ, вицегубернаторъ и прокуроръ... Городъ объявленъ на положеніи усиленной охраны. Всѣ говорятъ съ благодарностью о самооборонѣ, „демократахъ"; впрочемъ, нѣкоторые относятся къ „демократамъ" недружелюбно, соглашаясь съ губернаторомъ съ томъ, что они своими демонстраціями вызываютъ гнѣвъ въ сердцахъ истинно-русскихъ (?!) людей. Какъ же держалась „администрація" во время погрома? Полиція, въ общемъ, пряталась; впрочемъ, низшіе чины энергично помогали громиламъ. Особенно отличился городовой № 19... Жандармскій ротмистръ, тотъ самый, что недавно высказался за прогрессивно-подоходный налогъ и контроль надъ министрами (!!) — явился возбужденный къ воинскому начальнику и обратился къ нему со словами: „дайте толпѣ ружья: вѣдь евреи всѣ вооружены. Они сейчасъ взорвутъ соборъ. Подкопъ уже сдѣланъ". Получивъ, однако, отказъ отъ „либеральнаго" полковника, бравый жандармъ повелъ толпу на литейный заводъ г-на Л., гдѣ вооружилъ свой народъ кусками желѣза, колосниками, вилами и пр. Помощникъ же этого „героя" — унтеръ Голинскій въ это время агитировалъ въ городѣ... Онъ вбѣжалъ напримѣръ, въ почтовую контору и набросился на чиновниковъ: „Еще христіанами зоветесь... Тамъ жиды вашихъ братьевъ рѣжутъ, а вы тутъ надъ бумажками сидите..." Отъ полиціи и жандармовъ перейдемъ въ „самому губернатору" члену славнаго рода Треповыхъ... Онъ явился 19-го въ городъ и пожелалъ говорить съ обывателями.. Для этой цѣли къ нему, между прочимъ, были отправлены, виднѣйшие граждане всѣхъ націй, а также представители свободныхъ профессій... Суть его рѣчи такова: „Все это месть за участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи. Они, евреи, создали всю смуту.. Отцы перестали вліять на дѣтей, поощряя ихъ революціонныя стремленія... Если бы у него, Трепова, былъ сынъ — „демократъ", онъ сѣкъ бы его каждый день... Возьмите дѣтей въ руки и все утихнетъ. Самообороны же я не потерплю и потому предлагаю принести мнѣ всѣ револьверы..." и т. д. въ томъ же духѣ. Всѣ депутаты довольно храбро (для обывателя) возражали губернатору... Послѣднимъ говорилъ русскій купецъ—старожилъ, со слезами на глазахъ увѣрявшій губернатора въ отсутствіи розни между христіанами и евреями... На всѣ рѣчи губернаторъ ничего не отвѣтилъ.. Послѣ же онъ все же заявилъ: „если раздастся хоть одинъ выстрѣлъ, я уберу войска..."

— Погромъ, конечно, не ослабитъ енергію нашихъ товарищей... Наоборотъ, перестроивъ свою организацію, приспособивъ ее къ новымъ условіямъ работы, они заработаютъ съ удвоенной энергіей, стараясь сдѣлать повтореніе погромовъ въ Мелитополѣ явленіемъ невозможнымъ... Въ заключеніе резолюція мѣстной организаціи учащихся въ отвѣтъ на предложеніе учащихся Симферополя, Керчи и Евпаторіи учредить самостоятельный Союзъ съ собственнымъ органомъ. Организація обсудивъ это предложеніе единогласно, въ числѣ 20-ти человѣкъ, приняла слѣдующую резолюцію, которую рѣшено было отправить въ „Искру": „Въ настоящій историческій моментъ, когда болѣе, чѣмъ когда либо необходимо полное единеніе и централизація партійныхъ силъ, мы организованные учащіеся соціалъ-демократы города Мелитополя высказываемся рѣшительно противъ выдѣленія учащихся въ самостоятельный внѣпартійный Союзъ.

Мы находимъ, что наиболѣе цѣлесообразной, съ точки зрѣнія интересовъ всей Партіи, является работа подъ руководствомъ мѣстныхъ организацій, и предлагаемъ товарищамъ примкнуть къ этому рѣшенію". 25-го апрѣля 1905 года.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Кутаисъ. Въ первыхъ числахъ марта отсюда было послано пять человѣкъ пропагандистовъ въ Лечхумскій уѣздъ, гдѣ уже до этого началось стихійное крестьянское движеніе. Такое же движеніе обнаружилось и въ Сванетіи. Наши пропагандисты должны были сперва объѣхать Лечхумскій уѣздъ, а затѣмъ перебраться къ сванамъ. Лечхумцы съ восторгомъ приняли нашихъ людей и просили ихъ: устройте намъ дѣло, какъ въ Гуріи. Въ продолженіе одного мѣсяца наши люди съ успѣхомъ вели тамъ работу, а затѣмъ въ первыхъ числахъ апрѣля перебрались къ сванамъ. Сваны находятся въ самомъ крайнемъ положеніи благодаря князьямъ и дворянамъ; тамъ почти сохранилось крѣпостное право. Прибытіе нашихъ пропагандистовъ подняло все на ноги: Сваны клялись другъ другу въ солидарности. Лечхумскимъ и сванетскимъ феодаламъ не понравилось это всеобщее движеніе. Они объявили смертельную вражду крестьянамъ. Сванетскіе князья и помѣщики живутъ въ старинныхъ замкахъ. Теперь эти замки укрѣпляются; здѣсь укрываются [illegible] за разбойничество феодалы. Девизъ феодаловъ: „перебить всѣхъ крестьянъ — нашихъ противниковъ и возбуждающихъ ихъ агитаторовъ". Пропагандистовъ преслѣдуютъ на смерть, нѣсколько разъ производились попытки убить ихъ во время собраній, но крестьяне их спасли: „мы должны сберечь жизнь нашихъ „благодѣтелей" — такъ говорятъ они — и нашихъ агитаторовъ при переходѣ изъ одной деревни въ другую сопровождаютъ вооруженные крестьяне, „чтобы враги не убили нашихъ благодѣтелей". Но феодалы все же убили у насъ одного работника. Вотъ какъ произошло это. Лечхумцы и сваны рѣшили провести общую демонстрацію 9-го апрѣля. Утромъ 9-го апрѣля сваны, жители одной деревни, подняли красное знамя [illegible]

[illegible]

били голое тѣло кинжалами и выбросили изуродованный трупъ крестьянамъ. Сами же заперлись въ укрѣпленіи. Вѣсть объ убійствѣ пропагандиста произвела сильное впечатлѣніе на лечхумцевъ и свановъ: „убили нашего благодѣтеля и мы должны отомстить кровавой смертью", произносилось всюду единогласно. Крѣпости феодаловъ въ Сванетіи сильно укрѣплены, трудно туда проникнуть, но сваны осадили замокъ князей Гардобхадзе, какъ японцы Портъ-Артуръ и не уйдутъ пока онъ не будетъ взятъ. Съ 9-го января 40 вооруженныхъ свановъ караулятъ этотъ замокъ; эти 40 человѣкъ должны по порученію свановъ взять укрѣпленія и перебить князей Гардобхадзе. Изъ Кутаиса комитетъ сейчасъ же послалъ человѣка, для присутствія на похоронахъ Гелования и для успокоенія населенія. Нашъ посланникъ прибылъ въ Сванетію и предложилъ Сванамъ не убивать князей, а изгнать ихъ изъ своей страны, на что сваны отвѣтили: „не можемъ оставить въ живыхъ людей, которые убиваютъ нашихъ благодѣтелей; мы должны убить ихъ непремѣнно". Гелованы знатно похоронили. Гелованы княжескаго происхожденія, жилъ онъ въ Лечхумахъ, рѣшили перенести его прахъ на родину. 3000 вооруженныхъ берданками свановъ сопровождало гробъ. Сваны рѣшили: если полиція вмѣшается, мы перебьемъ полицейскихъ, а гробъ понесемъ въ Кутаисъ, гдѣ объявимъ войну войскамъ. Но полиція не вмѣшивалась. Во время шествія гробъ по временамъ останавливали и ставили его на землю. Сваны подходили, становились на колѣни и, приложивъ дуло ружья къ гробу, клялись на оружіи не измѣнять и бороться до конца, пока вмѣстѣ съ гурійцами не достигнутъ своей цѣли. Кутаисскій генералъ-губернаторъ послалъ на помощь князьямъ войско, но войско не смогло проникнуть въ Сванетію; сваны закрыли всѣ дороги: они разрушили всѣ мосты черезъ рѣки и скалистые овраги, укрѣпили старинныя крѣпости и вооружились, чтобы воевать съ войсками. Не знаю, чѣмъ кончится дѣло. Наши пропагандисты вернулись; взамѣнъ нихъ здѣшній комитетъ выслалъ новыхъ. Кутаисъ взволнованъ этими вѣстями. Вчера 15 апрѣля изъ Мингреліи привели 73 человѣка. Это выборные сотскіе и десятскіе, которые были арестованы во время демонстраціи въ Абашѣ. Когда солдаты ввели ихъ въ ворота кутаисскаго тюремнаго замка, они запѣли на грузинскомъ языкѣ Марсельезу; арестанты привѣтствовали ихъ тѣмъ же.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Смоленскъ. У насъ была недавно забастовка на большой фабрикѣ Ярцевской мануфактуры (около 3000 человѣкъ рабочихъ). Комитетъ не былъ связанъ съ этой фабрикой. Требованія экономическія; пріѣзжалъ губернаторъ, 250 солдатъ. Было арестовано нѣсколько человѣкъ, но, по распоряженію губернатора выпущены. Рабочіе собрали 300 р. на выпивку, часть ихъ оставили „на случай, если кого арестуютъ, такъ на дорогу." Губернаторъ дѣйствовалъ въ примирительномъ духѣ. Рабочіе получили обѣщанія уступокъ послѣ Пасхи и послѣ 2-хъ-дневной забастовки стали на работу, оставшіеся 40 р. отдали въ „Красный Крестъ", ибо „тамъ за насъ страдаютъ". Также стихійно забастовали въ городѣ трамвайщики, такіе же требованія — удаленіе не болѣе и не менѣе какъ начальника движенія. Послѣ двухъдневной забастовки добились своего — начальникъ уволенъ. Говорятъ, очень грубый былъ человѣкъ, чуть ли не билъ служащихъ.

На дняхъ проѣзжающіе запасные разнесли колбасную и бакалейную лавочку. Въ отвѣтъ на слова лавочниковъ „мы не жиды, а православные", запасные отвѣчали: „это намъ все равно".

Иркутскъ. Иркутскъ за послѣдніе мѣсяцы измѣнилъ свою физіономію. Стачки, банкеты, демонстраціи. О первой крупной стачкѣ — въ Монополіи (300 раб.). — говорить не буду, потому что о ней уже, вѣроятно, извѣстно. Она была чисто „экономической". Второй была стачка типографщиковъ у Макушина (250 чел.) съ 28-го февраля; а съ 4-го марта во всѣхъ остальныхъ до 10. Возникла она стихійно, хотя комитетомъ велась довольно энергичная работа среди типографщиковъ. Попытка комитета придать ей политическій характеръ успѣха не имѣла, главнымъ образомъ, благодаря соціалистамъ-революціонерамъ. Собранія въ нѣсколько сотъ человѣкъ (всего 500—600 рабочихъ) происходили совершенно открыто ежедневно. Обсуждались чисто экономическіе вопросы. На одномъ собраніи выступилъ рабочій соціальдемократъ, который, начавъ съ экономическихъ вопросовъ, перешелъ къ политикѣ. Благодаря его рѣчи, понравившейся рабочимъ, создалось благопріятное настроеніе, которымъ и рѣшилъ воспользоваться ораторъ комитета. Въ началѣ его рѣчи стали разбрасывать прокламаціи комитета, которыя подхватывались рабочими и читались по группамъ. Соціальдемократы предложили прочитать вслухъ ее, чтобы потомъ говорить по поводу политическихъ требованій, которыя въ ней были выставлены. Но соціалисты-революціонеры [1]), а за ними и часть рабочихъ, стали кричать: „долой политику", „надо выяснить сначала наши дѣла, а потомъ можно и то". Оратору не дали говорить. На другой день ораторъ былъ встрѣченъ угрозами. Такъ и не удалось измѣнить характеръ стачки. Подъемъ, вызванный стачкой, скоро исчезъ и рабочіе 10-го приступили къ работамъ, добившись только 8-часоваго рабочаго дня въ 6 меньшихъ типографіяхъ; 9-часоваго (раньше 10 час.) въ самой большой Макушина; и ничего въ типографіи Губернскихъ Вѣдомостей. Тѣмъ не менѣе, послѣ стачки, количество кружковъ среди типографщиковъ сильно увеличилось — единственный плюсъ стачки. Съ 19 по 24 марта была всеобщая стачка приказчиковъ. Всѣ магазины были закрыты. Даже кондитерскія и колбасныя въ первый день. Эта стачка также была чисто экономическая, хотя на многолюдныхъ собраніяхъ (приказчиковъ здѣсь около 3 тысячъ) выступали ораторы, говорившіе на политическія темы. Надо признаться, что слушали крайне неохотно. Стачка кончилась почти полной побѣдой: 10-часовый рабочій день (1 часъ на обѣдъ и 2 раза по получасу на чай, съ правомъ ухода изъ магазина съ 15 мая на обѣдъ), безплатное лѣченіе, закрытіе магазиновъ наканунѣ Рождества и Пасхи въ 12 часовъ дня, третейскій судъ и др.

[1]) Оставляемъ это сообщеніе на отвѣтственности корреспондента.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Конференція общепартійныхъ работниковъ.

Отдѣльнымъ приложеніемъ мы выпускаемъ отчетъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ общерусской конференціей партійныхъ работниковъ, образованной представителями организацій, отказавшихся отъ участія въ т. н. „съѣздѣ".

Конференціей обсужденъ рядъ важныхъ тактическихъ вопросовъ и вынесенъ рядъ резолюцій (завоеваніе власти и участіе во временномъ правительствѣ, вооруженное возстаніе, выборы въ представительныя учрежденія, отношеніе къ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, профессіональные союзы, экономическая борьба, отношеніе къ неоформленнымъ рабочимъ организаціямъ, работа среди крестьянъ, отношеніе къ правительственнымъ коммиссіямъ). Конференція, далѣе, намѣтила планъ реорганизаціи партіи, изложенный въ организаціонномъ уставѣ.

Какъ свои тактическія резолюціи, такъ и организаціонный планъ, конференція предлагаетъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ для обсужденія, разсчитывая, что самое это обсужденіе въ рядѣ широкихъ по составу конференцій заложитъ прочныя основанія для того дѣйствительнаго организаціоннаго сплоченія, которое намъ такъ необходимо и которое въ корень расшатано двухлѣтнимъ господствомъ въ партійной жизни односторонняго механическаго централизма. Для содѣйствія партійнымъ организаціямъ въ этомъ дѣлѣ конференціей избрана Организаціонная коммиссія, которая, впредь до созданія правильныхъ центральныхъ и областныхъ учрежденій будетъ выполнять общепартійныя функціи. Составъ коммиссіи подлежитъ утвержденію организацій и можетъ быть измѣненъ ими.

Этой же организаціонной коммиссіи конференція поручила принимать всѣ мѣры, которыя могли бы облегчить дѣло сближенія между двумя частями партіи. Объ этомъ говоритъ спеціальная резолюція, принятая конференціей. Въ тѣхъ же интересахъ — проложить путь къ объединенію партіи — конференція приняла еще одну резолюцію: согласно послѣдней солидарная съ ея рѣшеніями часть партіи приглашается отказаться отъ тѣхъ половинныхъ, такъ называемыхъ, съѣздомъ формальныхъ правъ, которыя опираются на старый уставъ, выработанный на второмъ съѣздѣ. Такой отказъ устранитъ изъ числа спорныхъ вопросовъ вопросъ о „законности" и „незаконности" цѣлаго ряда дѣйствій той или другой части партіи. Этотъ результатъ будетъ достигнутъ, конечно, лишь въ той мѣрѣ, въ какой и другая часть партіи будетъ настолько желать сохраненія единства, чтобы не навязать намъ тѣ рѣшенія и тѣ учрежденія, въ созданіи которыхъ мы не могли принимать участія.

Само само собою разумѣется, что, принимая это рѣшеніе —какъ и всѣ остальныя, въ формѣ предложенія организаціямъ. — конференція не отмѣняла полномочій, основывающихся на уставѣ 1903 г., ни одного изъ существующихъ законныхъ учрежденій (Ц. О., Совѣтъ, Лига и т. д). Поэтому „Искра" — впредь до рѣшенія мѣстныхъ организацій — будетъ продолжать выступать, какъ Центральный Органъ Партіи.

Согласно желанію, выраженному конференціей, выходъ „Соціальдемократа" будетъ учащенъ. Это обстоятельство побудитъ насъ, вѣроятно, вернуться къ прежнимъ срокамъ выпуска „Искры": 2-3 раза въ мѣсяцъ.

Въ другой брошюрѣ мы выпускаемъ рѣшенія конференціи кавказскихъ товарищей, которые оказались во всѣхъ существенныхъ вопросахъ солидарными съ товарищами, съѣхавшимися за границу.

Резолюція

принятая 3 мая на агитаторскомъ собраніи городского района *въ Петербургѣ*. Присутствовало 11 чел. 9 голосовъ — за. 2 — воздержалось.

„Неудача празднованія 1 мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организаціей и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ, собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ.

1) До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи соціальдемократіи, отрывавшейся, благодаря тому, отъ жизни широкихъ массъ.

2) Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ массѣ достаточнаго участія ея въ партійной жизни и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой — партіи, какъ нелегальной организаціи, необходимо послѣдней взять въ свои руки веденіе рабочими профессіональной борьбы на легальной почвѣ, строго связывая эту борьбу съ соціальдемократическими задачами.

3) Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ существующихъ уже профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя иниціативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединить болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ.

4) Въ связи съ этимъ, собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги на пути демократизаціи нашей партіи, обезпечивающей большую самодѣятельность ея членовъ.

Резолюція Петербургской группы.

„Группа признаетъ съѣздъ, созванный „Ц. К. и Б. К. Б.", непартійнымъ; учрежденія, выбранныя на немъ, не партійными и рѣшенія его — необязательными. Группа постановляетъ: исключить изъ своего названія слова: „при Ц. К.".

Письмо въ редакцію.

Только сейчасъ я получилъ возможность ознакомиться съ 62 № Револ. Россіи и потому хоть съ опозданіемъ хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о помѣщенной въ этомъ № корреспонденціи изъ Двинска (стр. 11), въ которой какое то частное лицо сообщаетъ съ чьихъ то словъ о февральскихъ событіяхъ въ Двинскѣ. Подробно писать объ этихъ событіяхъ не приходится, такъ какъ въ „Искру" отослано уже сообщеніе мѣстнаго комитета Партіи объ нихъ. Хочу только указать на любопытный способъ изложенія с.-р-овскаго корреспондента. Забастовка, пишетъ онъ, которая въ январѣ *какъ то* (!) не удалась, въ февралѣ вдругъ началась *совершенно* стихійно" (курсивъ мой). Между тѣмъ, всякому, кто только былъ въ Двинскѣ въ концѣ февраля извѣстно, что забастовку началъ комитетъ Партіи, что организованные имъ рабочіе, по его порученію остановили заводъ Вальденберга — (а отнюдь не 4 ихъ было, какъ заявляетъ корреспондентъ) — что затѣмъ Вальденбергскіе рабочіе предводительствуемые нами, отправились снимать и Депо и Грилихесовскій кожевенный заводъ — и что какъ разъ это положило начало тѣмъ грандіознымъ событіямъ, которыя произошли въ Двинскѣ. Такъ пишетъ исторію „Революціонная Россія". Надѣется, что благодарное потомство сумѣетъ воздать ей должное.

Членъ Двинскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Поправка. Парижская Группа Содѣйствія Партіи проситъ указать, что въ напечатанный въ № 97 „Искры" текстъ принятой ею по вопросу о съѣздѣ резолюціи вкралась грубая ошибка. Напечатанъ лишній абзацъ, начинающійся словами: „что этотъ Орг. Ком., выступающій, якобы, ... и т. д.". Этотъ абзацъ не содержался въ принятомъ группой текстѣ и по недосмотру былъ оставленъ въ текстѣ, посланномъ въ редакцію.

Новый органъ. Редакція „Искры" получила № 1 газеты „Соціальдемократъ" на грузинскомъ языкѣ, вышедшей отъ 7 (20) апрѣля подъ редакціей Тифлисскаго Комитета нашей партіи. Органъ будетъ выходить періодически — черезъ каждыя двѣ недѣли, а со второго номера и на армянскомъ языкѣ. Выходъ въ свѣтъ своего изданія Комитетъ объясняетъ тѣмъ, что вслѣдствіе крайняго положенія общественныхъ отношеній и выступленія на политическую арену разныхъ направленій и партій, „ведущихъ борьбу съ нашею партіею" за вліяніе, необходимо дать всѣмъ имъ должный отпоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, идейно руководить практическимъ движеніемъ кавказскаго пролетаріата. А единственное изданіе Союзнаго Комитета „Борьба пролетаріата" выходитъ такъ рѣдко и нерегулярно, его статьи имѣютъ такой отвлеченный характеръ, что оно совершенно не удовлетворяетъ существующей потребности...

Далѣе Комитетъ взываетъ къ остальнымъ организаціямъ о содѣйствіи развитію этого начинанія, призывая къ сотрудничеству въ изданіи товарищей, „въ особенности рабочихъ", письмамъ которыхъ будетъ отведенъ особый отдѣлъ, подъ названіемъ „Разныя письма". „Рабочіе сотрудники для насъ желательны" — [illegible] Комитетъ и тутъ же поясняетъ почему.

Живо и талантливо редактированъ номеръ первый. Замѣтна опытная умѣлая рука редактора-писателя. Мало только въ номерѣ корреспонденцій, но этотъ недостатокъ будетъ легко преодолѣнъ въ послѣдующихъ номерахъ, послѣ установленія нужной связи съ корреспондентами-товарищами въ районѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что газета блестяще исполнитъ поставленную себѣ задачу, если не помѣшаютъ „внѣшнія условія". Пожелаемъ товарищамъ, чтобы изданіе регулярно выходило!

Вотъ оглавленіе перваго номера: Отъ Тифлисскаго Комитета. — Соціальдемократія. — Разрушеніе самодержавія. — „Земскій Соборъ" и наша тактика. — Крестьянское движеніе. — Внутреннее Обозрѣніе. „Большинство" или „Меньшинство" — Корреспонденція.

Газета имѣетъ форматъ русскаго „Соціальдемократа." Номеръ — въ 16 страницъ.

Въ настоящее время уже вышелъ второй номеръ „Соціальдемократа". На конференціи кавказскихъ товарищей онъ признанъ органомъ всѣхъ кавказскихъ рабочихъ организацій.

„На два фронта". Всѣ члены партіи, безъ сомнѣнія, будутъ привѣтствовать появленіе сборника „На два фронта", составленнаго изъ политическихъ статей Г. В. Плеханова. Сборникъ включаетъ въ себѣ такія, давно вышедшія изъ обращенія, работы товарища Плеханова, какъ извѣстная брошюра „Соціализмъ и политическая борьба" (1883 г.) и такія, обыкновенно вовсе неизвѣстныя массѣ членовъ Партіи, его статьи, какъ „Современныя задачи русскихъ рабочихъ" (1885 г. въ газетѣ „Рабочій"), „Какъ добиваться конституціи?" (въ сбор. Соціальдемократъ" 1888 г.) и „Политическія задачи русскихъ соціалистовъ" (въ газетѣ „Соціалистъ" 1889 г.) Кромѣ этихъ статей, въ сборникъ вошли статьи: „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба" и „Что-же дальше?", напечатанныя въ 1901 г. въ „Зарѣ".

Сборникъ названъ „На два фронта". „Названіе, говоритъ авторъ въ предисловіи, объясняется тѣмъ, что намъ, въ нашей политической пропагандѣ, приходилось вести борьбу съ двумя предразсудками совершенно *противоположнаго* характера; намъ надо было разъяснять, что соціализмъ не исключаетъ политики и въ то же самое время доказывать, что и политика вовсе не требуетъ отъ насъ забвенія соціализма, т. е. нашего превращенія въ либераловъ".

Некрологъ. Перваго апрѣля покончилъ въ Сормовѣ жизнь самоубійствомъ товарищъ Девятковъ. Совсѣмъ юноша — покойному было всего лишь 18½ лѣтъ. Девятковъ успѣлъ уже испытать на себѣ всѣ прелести преслѣдованій царскаго правительства.

Только недавно былъ онъ освобожденъ изъ тюрьмы, которая далась ему чрезвычайно тяжело и которая оставила въ немъ глубокій слѣдъ; не успѣлъ онъ еще оправиться отъ этой высидки, какъ его стали пугать новой еще болѣе „ужасной" въ крѣпости.

Преслѣдованія полиціи, общая нервность и несовсѣмъ удачно сложившіяся условія жизни повели за собой трагическую развязку.

Хоронили мы товарища 3-го апрѣля изъ больницы (анатомическаго театра), съ утра собралась довольно большая толпа рабочихъ и учащихся, чтобы проводить товарища; были вѣнки; особенно выдѣлялся одинъ, съ ярко красной лентой и надписью „товарищу революціонеру". Съ пѣніемъ „вы жертвою пали въ борьбѣ роковой", гробъ понесли въ кладбищенскую церковь. Народу собралось до 1000 человѣкъ, не мало было и полиціи, конной, пѣшей, которая, однако, не рискнула вмѣшаться и только молчаливо присутствовала при томъ, какъ гробъ съ пѣніемъ понесли изъ церкви на кладбище, и какъ на свѣжей могилѣ произносились политическія рѣчи.

Вышли изданія Центр. К-та: 1) Первое мая! 2) О майскихъ дняхъ въ Польшѣ; 3) Наша партія и война; 4) „Крестьяне, къ вамъ наше слово"; 5) Къ гражданамъ Петербурга; 6) Къ солдатамъ. **Петерб. Группы:** 1) „Жертвуйте на вооруженіе" (съ отчетомъ по сборамъ на вооруженіе); 2) Къ первому мая; 3) Майскія требованія (изъ Искры); 4) Отвѣтъ генералъ-губернатору; 5) Призывъ на митингъ въ Нарвскомъ районѣ; 6) Призывъ въ Город. районѣ; 7) Призывъ въ Василеостр. районѣ; 8) Призывъ въ Невск. районѣ; 9) Листокъ по поводу неудачи 1 мая. **Петерб. Комитета:** 1) Майскій листокъ; 2) Къ обуховскимъ рабочимъ. **Астраханск. Комитета:** 1) „Къ трамвайнымъ" (120 экз.); 2) „Ко всѣмъ судовымъ рабочимъ" (2000); 3) „Къ судовымъ рабочимъ по поводу биржевой коммиссіи" (100); 4) О созывѣ народн. представителей (2000); 5) Къ промысловымъ рабочимъ (800); 6) Сборникъ пѣсенъ (110); 7) Каутскаго „Революція въ Россіи" (90); 8) „Къ казакамъ" (250); 9) Обращеніе Междун. Соціал. бюро (400); 10) „Всемилостивѣйшій манифестъ" (100) 11) „Бакинскія событія" (2000); 12) „Цивилизованному міру" (2000); 13) Отчетъ за Мартъ; 14) Къ рабочимъ и служащимъ депо и электрич. станціи; 15) „Рабочій Листокъ" № 5 (1-е мая) 16) Къ Астраханск. обществу. **Екатеринбург. группы:** „Царскіе посулы и рабочій классъ" (печ.) **Рыбинской группы:** 1) По поводу февральск. забастовки (гект. 120 экз.); 2) „Къ рабочимъ гор. Рыбинска и его окрестностей" — о самодержавіи (печ., 2000 экз.); 3) „Къ рабочимъ г. Рыбинска" — о соціальдемократіи (печ. 3000 экз.); 4) Къ обществу (1500 экз.); 5) О комм. Булыгина (1000); 6) Въ бой за свободу (Искры—2000 экз.); 7) 1-ое мая (перепеч. лист. Впередъ 5000); 8) брош. Мартова „Пролетарскій праздникъ". (3000 экз.) **Смоленскаго Ком.** „Первое мая" (перепеч. лист. Ц. К. 5000 экз.); 1) **Сѣвернаго Ком.** „Къ солдатамъ" (8000); 2) „Къ рабочимъ" (8000); **Рижскаго Ком.** „Листокъ Рижск. Ком." № 2 (довольно большая газета). **Рижской Группы:** 1) Солдатская памятка (3000); 2) „Майскія требованія" (Искры—по эстонски); 3) Призывъ къ всеобщ. забастовкѣ (3000); 4) Майскій листокъ Ц. К. 3000 по русски и 200 по эстонски). **Донецкаго Комитета** (Союза): 1) „О царскомъ манифестѣ" (переп. изд. Московск. Ком.—8000 экз.); 2) Первое мая (8000); **Юзовской группы Донецк. Ком.** „Ко всѣмъ гражданамъ Юзова" (о черной сотнѣ—8000 экз.); **Петровской группы этого Ком.:** 1) Призывъ къ забастовкѣ 14 апр. (150 экз.); 2) „Что даетъ пасха и куда ведетъ соціализмъ?" (160). **Донского Ком.:** 1) „Крестьяне бунтуютъ" (печ.); 2) Великій праздникъ! (10.000). **Екатеринославск. Ком.:** 1) „Первое мая" (гектогр.) 2) Резолюція екатеринославскихъ рабочихъ къ обществу (гект.); 3) Къ крестьянамъ (печатн.). **Харьковск. Ком.** 1) Манифестъ Петерб. выборщиковъ (2000); 2) Къ заготовщикамъ (300); 3) Къ рабочимъ Гельфериха-Саде (200) 4) Призывъ къ 1 мая (10 000); 5 и 6) Резолюція рабочихъ паровозостр. завода (по 1000 экз.); 7) Братья-крестьяне! (10.000); **Одесской группы.** 1) Ко всѣмъ приказчикамъ (3000); 2) Къ рабочимъ и работницамъ фабр. Тарнополя; 3) Майскія требованія (листокъ Искры—печ.); 4) Ко всѣмъ желѣзнодор. служащимъ и рабочимъ (3000); 5) Призывъ къ всеобщей стачкѣ (10.000). **Кишиневск. организаціи:** 1) „Бастуйте 1-го мая!" (гект.); 2) Заявленіе Совѣщанію фабрич. инспекторовъ и т. д. (3000 экз., печ.). 3) Къ сапожникамъ и заготовщикамъ (гект.); 4) Къ кузнецамъ и колесникамъ (гект.); „Будьте готовы" (л. „Искры" 2000 экз.). **Крымск. Союза:** 1) Объ еврейскихъ погромахъ (15.000); 2) Первое мая (лист. Искры—9000); 3) Майскія требованія (л. Искры—21.000). **Севастопольскаго Комитета Крым. Союза:** 1) О празднованіи 1 мая въ Севастополѣ (4000); 2) Письмо матросовъ соц.-дем. къ капитану Барановскому (1100); 3) Къ портовымъ рабочимъ объ отвѣтѣ Чухнина (1500) **Московскаго Ком.** „Къ народнымъ учителямъ (печ.); **Виленской группы.** „Къ кунскимъ портнымъ" (гект.). **Красноярскаго Комитета:** 1) „Въ народномъ домѣ или невольное обнаженіе либеральной души" (печ.); 2) „Къ солдатамъ" (печ.); **Иркутскаго Ком.:** Два листка о процессѣ Романовцевъ **Читинскаго Ком.** 1) Земскій соборъ (1500); 2) Отъ пропасти! (Изъ Искры—1500). **Сибирскаго Союза** 1) „Ко всѣмъ гражданамъ" 2) „Всемірный рабочій праздникъ" (объ печ.) **Вологодской группы:** 1) „Ко всѣмъ приказчикамъ" и 2) Отчетъ за время отъ 15 марта по 1 мая (обе гектогр.). **Тифлисскаго Ком.** „Конференція кавказскихъ организацій" (печ.). **Балаханск. и Биби-Эйбатск. орг.** „Къ солдатамъ" (печ.) **Екатеринодарск. группы Кубанскаго Ком.:** „1-е мая" (800 экз.); Призывъ на демонстрацію (2000 экз.); **Ейской группой**—о черной сотнѣ (гектогр.) **Кубанск. Ком.:** Майск. лист. (Ц. К — 10000) и 2) Пѣсни борьбы. **Кременчугск. организаціи:** Майскій листокъ (350).

Приблизительное количество зарегистрированныхъ въ этомъ № изданій—400.000 экземпляровъ.

Вышелъ № 6 „Соціальдемократа". Содержаніе: Майскій смотръ. Въ крестьянскомъ станѣ. Прежде и теперь. По Россіи: Одесса. Изъ Донецк. района. Маріуполь. Кишиневъ. Рязань. Кровавый май въ Варшавѣ. Тифлисъ. Баку. Политическое обозрѣніе. Изъ партійной дѣятельности. Фельетонъ: Три побѣды. Стихотворенія.

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.